Проф. Н. И. Ивановскій.

СЕКТА ХЛЫСТОВЪ

ВЪ ЕЯ ИСТОРІИ

— И —

СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ).

КІЕВЪ,
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22.
1898.

ВХ
599

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
460
59

СЕКТА ХЛЫСТОВЪ

ВЪ ЕЯ ИСТОРІИ И СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.

(Публичная лекція).

Желая ознакомить васъ, м. м. г. г., съ характеромъ одной изъ значительно распространенныхъ сектъ, я невольно вспоминаю слова нашихъ стародавнихъ предковъ, живпшихъ еще до образованія государства: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ». Окидывая теперь бѣглымъ взоромъ далеко противъ прежняго раскинувшуюся великую Русскую землю, мы съ глубокимъ сожалѣніемъ должны сказать, что, при многовѣріи жителей ее населяющихъ, и сектантство наше велико и обильно, отъ крайняго сѣвера и до крайняго юга, отъ запада и до востока. Разобраться въ немъ и усмотрѣть порядокъ, хотя бы только логическій,—дѣло далеко не легкое, особенно при образованіи и развитіи новыхъ сектъ, въ коихъ переплетаются и какъ бы въ мертвый узелъ затягиваются начала и характерныя черты сектъ до противоположности разнообразныхъ, гдѣ къ старообрядчеству примѣшиваются понятія чисто вольнодумныя, раціоналистическія и даже мистическія бредни,—такъ что приверженецъ перстовъ и двойной аллилуіи вдругъ оказывается штундистомъ, или чѣмъ-то въ родѣ штундиста, или послѣдователемъ Толстого. Еще болѣе секты молоканскія переплетаются съ хлыстовствомъ, или на оборотъ. Нужно очень зоркое вниманіе, чтобы услѣдить за всѣми движеніями заплутавшейся въ дебряхъ сектантства мысли... Но нельзя сказать, чтобы этотъ затянувшійся узелъ было бы необходимо непремѣнно разрубать и каждую частичку разсматривать отдѣльно, внѣ связи съ другими. Да такая работа, при ея страшной кропотливости, была бы и не многоплодная, давила бы только память, мало сообщая сознанію и недостаточно освѣщая черты самыя существенныя.

Есть довольно простой секретъ не разрубать, а распутывать этотъ узелъ. Секретъ этотъ заключается въ ознакомленіи съ характерными существенными признаками старыхъ, обслѣдованныхъ уже сектъ, съ ихъ развитіемъ и современнымъ состояніемъ. Вотъ почему я и избралъ предложить вниманію вашему ознакомленіе съ сектою давно извѣстною, о которой вы, вѣроятно, много разъ уже слышали, а не что либо совершенно новое, въ наши дни народившееся.

Въ обширной области сектантства хлыстовство занимаетъ опредѣленное мѣсто и представляетъ собою явленіе очень любопытное съ разныхъ сторонъ:—и съ догматической, и съ нравственной и бытовой, и психологической. Много въ немъ и страннаго и загадочнаго; нигдѣ святошество не соединяется столь близко съ явленіями нравственнаго безобразія, нигдѣ столько не опошливаются священныя имена, нигдѣ не унижается столько нравственность и ея законы, нигдѣ нѣтъ такой скрытности и лицемѣрія, какъ въ хлыстовствѣ.

Наука съ совершенною ясностію и опредѣленностію раздѣляетъ всѣ секты по ихъ существеннымъ свойствамъ на три разряда: старообрядческій *расколъ*, секты *раціоналистическія* и *мистическія* или *тайныя*. Сектанты первыхъ двухъ разрядовъ легко поддаются наблюденію, такъ какъ они и не скрываютъ своихъ отношеній къ православной церкви, открыто исполняютъ свои правила и соблюдаютъ свои обычаи. Нѣтъ ничего легче замѣтить старообрядца—раскольника въ его старой одеждѣ—поддевкѣ или сарафанѣ, съ свойственными ему обычаями и пріемами, съ его исключительною привязанностію къ извѣстному обряду, ради котораго онъ пожертвовалъ и церковію и таинствами. Не трудно узнать и сектанта — раціоналиста, по отверженію всякаго обряда, проповѣдника религіи исключительно духовной—не полагающаго на себѣ крестнаго знаменія, не почитающаго св. иконъ, не знающаго постовъ. Первый, очевидно,—обрядовѣръ, второй — вольнодумецъ; первый — буквалистъ, второй повсюду ищетъ аллегорій; первый главнымъ образомъ опирается на авторитетъ преданія, послѣдній ставитъ себя выше всякаго авторитета и не хочетъ знать никакого преданія; въ рукахъ перваго—старая книга, послѣдній носится только съ библіей, толкуя ее по своему; идеалъ перваго—старина, второй скорѣе отрицатель старины, у первыхъ и въ моленныхъ и въ до-

махъ — украшенія церкви: св. иконы, лампады, свѣчи, лѣстовки, подручники, у послѣдняго—пустота. Старообрядчество —явленіе доморощенное, молоканство и прочее подобное— занесенное съ запада.

Но на сколько легко безошибочно опознать старообрядца и молоканина, или штундиста, на столько трудно, особенно съ перваго взгляда, распознать хлыста и отличить его отъ православнаго. — Хлыстъ — человѣкъ набожный, воздержный въ жизни, избѣгающій всего зазорнаго:—гуляній, пирушекъ, сквернословій; онъ—преданнѣйшій сынъ православной церкви, благотворитель на нужды церковныя; по отзывамъ даже нѣкоторыхъ священниковъ, это—лучшій прихожанинъ во всѣхъ отношеніяхъ [1]). Только на ряду со всѣмъ этимъ онъ, кромѣ церкви, гдѣ-то еще устрояетъ собранія, или приходитъ на собранія, и другихъ зоветъ туда «Богу помолиться». Что на этихъ собраніяхъ происходитъ, никто не видитъ и навѣрное не знаетъ; окна дома закрыты, на дворѣ караулъ, слышно только по временамъ какое-то пѣніе, да сквозь щели закрытыхъ ставней замѣчается иногда движеніе фигуръ. Съѣзжаются люди изъ разныхъ мѣстъ, иногда ѣдутъ закрытые рогожами, оставляютъ на дворѣ лошадей и потомъ разъѣзжаются. Потолкуютъ объ этихъ съѣздахъ сосѣди, пересудятъ и тѣмъ все кончается, пока не захватитъ какое нибудь судебное слѣдствіе. И возбуждаемыя слѣдствія очень часто прекращаются, или сопровождаются оправдательными вердиктами по отсутствію состава преступленія, или по недостатку уликъ, иногда-же обвинительные приговоры кассируются за неправильнымъ примѣненіемъ закона.

Мы не—юристы и здѣсь не мѣсто разъяснять вопросъ съ этой стороны. Однако, что же это за секретъ такой? что это за люди, ради чего они съѣзжаются? что происходитъ тамъ, за стѣнами дома, тщательно охраняемаго?—Вотъ вопросы, которые я и намѣренъ разъяснить предъ вами, милостивые государи.

За 250 лѣтъ назадъ, когда столица Русскаго царства— Москва была обуреваема народнымъ движеніемъ по поводу

---

[1]) Отзывъ священника объ алатырскихъ хлыстахъ, судившихся въ 1895 году.

книжныхъ исправленій, когда въ ней собирались соборы при участіи восточныхъ патріарховъ, когда вопросы чисто церковные, и при томъ не изъ области вѣры, а изъ второстепенной области обряда, возведены были на степень вопросовъ государственныхъ,—въ это самое время на востокъ отъ Москвы, въ предѣлахъ владимірскихъ и костромскихъ происходило въ народной массѣ тоже какое-то, но совсѣмъ другого рода движеніе. Втихомолку, ни для кого изъ современниковъ незамѣтно, чувствовалась неудовлетворенность обычнымъ теченіемъ церковной жизни, привязанной къ обряду и внѣшности и къ признаннымъ формамъ богоугожденія. Тамъ въ Москвѣ все вниманіе поглощалось книжною буквою; здѣсь шли гораздо дальше буквы, шли за предѣлы вѣры и ея коренныхъ догматовъ. Тамъ волновались, и спорили, и враждовали изъ—за редакціи книгъ «старыхъ» и «новыхъ»; здѣсь стремились отыскать «книгу животную, голубиную», которая есть «самъ сударь Духъ Святой»[1]). Причины этого явленія и подготовительныя условія и сейчасъ не выяснены; исторія сокрыла все это подъ густою завѣсою. Но, сколько можно судить по характеру образовавшейся уже секты, здѣсь тяготились народною распущенностію, искали изъ этого выхода, стремились къ возвышенію нравственности. Тамъ въ Москвѣ казовая симпатичная сторона заключалась въ охраненіи существовавшихъ формъ внѣшней церковности; здѣсь изыскивали средства къ возвышенію и къ очищенію народныхъ нравовъ, къ облагороженію обычаевъ. Не должно удивляться, что я говорю о симпатичныхъ сторонахъ сектантства. Всякая секта имѣетъ свою казовую сторону, которою и хвалится. Но эта сторона,—какая бы она ни была—выставляется сектантами, какъ единственная и исключительная, надъ всѣми другими сторонами духовной жизни преобладающая и деспотически господствующая,—всѣ другія стороны этой жизни подавляющая. Будучи выставлена, какъ единственная на счетъ другихъ сторонъ, она и является только обрывкомъ, отъ корня жизни отсѣченнымъ, и потому скоро и сама превращается въ мертвящую форму и цѣли не достигаетъ. Это въ сектантствѣ вездѣ и повсюду, начиная отъ старообрядства,

---

[1]) О хлыстахъ, изслѣдов. свящ. Рождественскаго, стр. 27. Москва 1892 года.

освятившаго исключительно обрядъ и кончая новѣйшимъ ученіемъ пресловутаго графа Толстого, выставившаго своимъ девизомъ Евангельскія заповѣди и мечтающаго землю устроить по небесному чрезъ разрушеніе земныхъ порядковъ, а не указаннымъ въ томже Евангеліи путемъ, т. е. путемъ возвышенія личнаго нравственнаго совершенства, путемъ незлобія и самоотверженія, при подчиненіи законнымъ условіямъ соціальной жизни.

Густая завѣса подготовки хлыстовства открылась въ фактѣ изумительныхъ мистическихъ бредней. Въ мѣстности нынѣшней владимірской губерніи муромскаго уѣзда «умные люди», возмущавшіеся нехорошею народною жизнію, стали задумываться, какъ бы для исправленія людей снова созвать Бога на землю.

„Подымать стали руки на небо,
„Сзывать Бога съ неба на землю.
„Господи, Господи, явися нынѣ, Господи,
„Въ крестѣ, или въ образѣ.
„Было-бы чему молиться намъ и вѣрити“ [1]).

Слышали они, эти «умные люди», какъ и по-сѣвернѣе ихъ, но

„Пониже было Кинешмы [2])
„Выростали лѣса темные,
„Какъ во тѣхъ ли лѣсахъ темны ихъ
„Люди Божіи спасаются,
„Лѣтомъ корніемъ питаются,
„День и ночь Богу молилися,
„День и ночь Христу работали;
„Слезы свои проливали,
„Плоти свои изсушали,
„Наги они пребывали,
„. . . . . .
„Царства Божія искали.

---

[1]) „Люди Божіи“ Добротворскаго, стр. 6. Казань. 1869.
[2]) Костромской губерніи уѣздный городъ.

И тоже:

„Сходились люди Божьи на святой кругъ,
„Поднимать стали руки на небо,
„Сзывать Бога съ неба на землю.
„Тутъ слеталъ съ неба ясный соколъ,
„Расправлялъ свои ясны крылья голубиныя“ [1]).

Впрочемъ слетѣлъ ли съ неба ясный соколъ въ Кинешмѣ, про то намъ ничего не извѣстно. Но во Владимірской землѣ «бысть гласъ изъ облака. Послушайте вѣрные мои. Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю. Изберу я плоть пречистую, облекусь въ нее. Буду я по плоти человѣкъ, а по существу богъ» [2]). И дѣйствительно, въ Стародубской волости въ приходѣ Егорьевскомъ, на рѣкѣ Вязьмѣ (Ковровскаго уѣзда Владимірской губ.) на гору Городину среди ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, въ огненныхъ облакахъ, на огненной колесницѣ, сошелъ съ неба въ славѣ своей самъ Государь Саваоѳъ [3]). Силы небесныя вознеслись на небо, а «саваоѳъ» остался на землѣ въ образѣ, принявъ пречистое тѣло Данилы Филипповича,—крестьянина нынѣшняго Юрьевецкаго уѣзда, который бѣжалъ изъ военной службы и проживалъ въ деревнѣ старой, въ 30 верстахъ отъ Костромы, въ домѣ родного брата Ѳедора, но часто бродяжничалъ въ разныхъ мѣстностяхъ костромскихъ владимірскихъ и нижегородскихъ. Такимъ образомъ Данила Филипповъ и сдѣлался живымъ „богомъ“ „саваоѳомъ“; онъ призналъ при этомъ, что всѣ книги ко спасенію не нужны, собралъ ихъ въ кулъ и бросилъ въ Волгу [4]).

Взамѣнъ брошенныхъ книгъ Данила далъ 12 заповѣдей. Изъ этихъ заповѣдей наиболѣе замѣчательны слѣдующія:

1) Азъ есмь богъ, пророками предсказанный, сошелъ на землю вторично для спасенія душъ человѣческихъ. Нѣтъ другого бога, кромѣ меня.

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и древн. 1873 г. кн. 1. отд. V, стр. 101.
[2]) Добротворскій, стр. 106.
[3]) Добротвор. стр. 7. Рождественскій, 27.
[4]) Добротворскій, стр. 106.

2) Святому духу вѣрьте.

3) Хмѣльного не пейте и плотскаго грѣха не творите, неженатые не женитесь, а кто женать, тотъ живи съ женою какъ съ сестрою. На свадьбы и на крестины не ходите.

4) Заповѣди храните въ тайнѣ, ни отцу, ни матери не объявляйте. Ежели кнутомъ будутъ бить и огнемъ жечь, терпѣть. Другъ ко другу ходите, хлѣбъ соль водите, любовь творите, а заповѣди моя храните [1]).

Даны-ли на самомъ дѣлѣ всѣ эти заповѣди самимъ Данилою Филипповымъ, или явились въ приведенной редакціи послѣ него, по преданію, для насъ важности не имѣетъ. Важно—то, что эти именно заповѣди легли и лежатъ въ основѣ секты до настоящаго времени, во многихъ случаяхъ уже и безъ имени Данилы Филиппова, которое сектантамъ, какъ вѣрящимъ «святому духу», и не особенно и нужно.

Любопытно прослѣдить, какъ эти заповѣди раскрывались, въ какомъ видѣ проявлялись въ исторіи секты и къ чему привели въ настоящее время.

I.

Разъ люди не удовольствовались церковію, проповѣдуемымъ ученіемъ о единомъ и единожды воплотившемся Единородномъ Сынѣ Божіемъ, искупившемъ грѣхи всего міра и возвѣстившемъ спасительную истину; разъ рѣшились они вторично низвести Бога на землю, а книги истиннаго откровенія бросить въ Волгу, остановиться на этомъ уже не могли. Одинъ самозванный смертный «богъ» не могъ, конечно, увра-

---

[1]) Откуда и какимъ образомъ у стараго русскаго мужика взялась вся эта дичь, снова созвать Бога на землю и увидѣть осуществленіе своего желанія въ лицѣ такого-же мужика,—не видно, чтобы и выдающагося аскета,—объяснить едва-ли возможно. Попытки однихъ ученыхъ объяснить это языческимъ культомъ и попытки другихъ принять въ объясненіе выраженіе Слова Божія: *въ нихъ вселюся и похожду* и другія подобныя—мало могутъ помочь дѣлу. Языческій культъ не—самообожаніе, да ему не соотвѣтствуетъ и призывъ Бога на землю. Слова-же Свящ. Писанія, если-бы были какимъ-нибудь поводомъ къ образованію секты, то Данило не бросилъ-бы книги въ Волгу, да едвали-бы и заповѣди свои далъ. Тайна образованія хлыстовства такъ и должна пока остаться тайною. На миссіонерскомъ съѣздѣ о. ректоръ академіи представилъ только объясненіе психилогическое,—въ несомнѣнномъ прельщеніи, пусть пока оно и останется.

чевать ихъ и успокоить на всегда, а съ другой стороны самимъ этимъ «умнымъ людямъ» невозможно было остановить свою разнузданную пылкую фантазію. Разъ они увидѣли воплощеніе Бога въ лицѣ простого, по имени извѣстнаго человѣка, не затруднятся уже увидѣть Его въ другомъ, и въ третьемъ, и въ четвертомъ, безъ конца. Неизбѣжно такимъ образомъ должна была появиться мысль о новыхъ воплощеніяхъ.

Разъ ступившій на крутую и скользкую покатость не остановится на первомъ шагу, а силою притяженія увлеченъ будетъ все ниже и ниже.

И на самомъ дѣлѣ скоро у мнимаго «саваоѳа» Даниды объявился и «сынъ божій», или—«сыночекъ» Иванъ Тимоѳеевичъ Сусловъ, крестьянинъ изъ муромской области, стародубской волости, деревни Моксаковой. Иванъ Тимофеевъ, по преданію хлыстовъ, родился отъ столѣтней женщины Ирины Нестеровой Сусловой. Шесть недѣль оставался ребенокъ безъ крещенія, такъ какъ священникъ, изумленный такимъ событіемъ, не хотѣлъ его крестить, да никто не хотѣлъ быть и воспріемникомъ новорожденнаго. Когда-же нашелся кумъ и священникъ приступилъ къ крещенію, то ничего не помнилъ, когда крестилъ; очнувшись, онъ увидѣлъ себя подъ лавкою на церковной паперти. 33 года было Ивану Тимофеевичу, когда Данила Филиппович далъ ему божество, назвавъ «сыномъ божіимъ».

Вслѣдъ за симъ явилась и избранная «богородица» изъ нижегородской области, села Лендука, посадскаго человѣка дочь,—по замѣчанію св. Димитрія Ростовскаго, «дѣвица краснолична» [1]).

Сусловъ избралъ себѣ 12 апостоловъ, а отъ послѣдователей своихъ принималъ божескія почести, воздаваемыя ему въ селѣ Работкахъ, въ 40 верстахъ отъ Нижняго [2]), въ старой церкви. Но при этомъ Сусловъ не отвергалъ и наружнаго почитанія правосл. Церкви и не требовалъ очевиднаго съ нею разрыва.

Данила умеръ, или точнѣе, вознесся при свидѣтеляхъ на небо, 1-го января 1700 года, почему съ этого дня стали

---

[1]) Розыскъ, ч. III, № 18.

[2]) Въ настоящее время первая отъ Нижняго пароходная пристань внизъ по Волгѣ.

считать и новый годъ. Сусловъ умеръ 16 лѣтъ спустя послѣ Данилы.

Но и со смертію Суслова воплощенія не прекратились. За Сусловымъ имя «христа» перешло къ Прокопію Лупкину, стрѣльцу, участвовавшему въ Азовскомъ походѣ и, при разгромѣ стрѣльцовъ, высланному въ нижегородскіе предѣлы. При немъ также явилась «богородица», его жена Акулина Ивановна. Новые «христосъ» и «богородица» нашли доступъ въ московскіе монастыри, мужскіе и женскіе, и тамъ обрѣли новую «богородицу», монахиню женскаго Ивановскаго монастыря Настасью Карпову. Потомъ извѣстна также, какъ «богородица», старица Вѣра, которой кланялись въ ноги и на которую крестились, какъ на святую. Еще извѣстенъ юродивый Андрей Петровъ, подъ именемъ Андріанушки, тоже— «христосъ».

Было-бы очень долго перечислять всѣ, болѣе или менѣе извѣстныя имена мнимыхъ «христовъ». Довольно сказать словами сектантовъ, что

«Онъ Христосъ
«Пречистой своей плоти подвигъ земной кончилъ,
«А въ другихъ плотяхъ избранныхъ онъ еще кончаетъ,
«А въ иныхъ плотяхъ избранныхъ еще начинаетъ» [1]).

По особой причинѣ нужно упомянуть о тамбовскомъ «христѣ», крестьянинѣ Аввакумѣ Копыловѣ, жившемъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Онъ потому заслуживаетъ упоминанія, что брошенныя Данилою Филипповымъ въ Волгу книги досталъ изъ нея и сталъ учиться по Писанію. Такимъ образомъ снова какъ будто возстановленъ былъ законъ писанный, богооткровенный. Но на дѣлѣ этотъ писанный законъ понадобился только ради привлеченія прозелитовъ и для наилучшаго прикрытія своихъ бредней священными именами и событіями. Теперь всѣ извѣстныя пѣсни хлыстовъ испещрены ими, но смыслъ ихъ совсѣмъ другой. Въ ходъ пошли и книги церковно-богослужебныя и творенія святоотеческія.

Послѣ первыхъ и непервыхъ «христовъ» на ряду съ ними и въ замѣнъ ихъ стали являться разные «пророки», «милостивые батюшки», «кормщики-корабельщики», «корм-

[1]) Дух. стихи секты людей Божіихъ, Барсова, № 27, 1870, стр. 44.

щицы», «пророчицы» и т. п. Названія эти сущности дѣла не измѣняютъ; всѣ они одинаково «богодухновенные сосуды», «жилища духа», «боги» и «богородицы».

Такимъ образомъ развилось и утвердилось въ хлыстовствѣ, какъ основной его догматъ, ученіе о перевоплощеніи, связанное съ человѣкообожаніемъ.

«Слово Божіе воплощается,
«Среди насъ открывается,
«Въ существѣ является,
«Съ нами вмѣстѣ обитаетъ
«И насъ наставляетъ» [1])
«И вотъ Богъ на землѣ
«Царство Божіе устроилъ».

И волхвы спрашивали, поясняютъ хлысты, не гдѣ Христосъ родился, а гдѣ рождается. И въ церкви поется не «Христосъ родился», а «Христосъ рождается» [2]).

Мы замѣтили уже, да и всякому ясно, что постоянное воплощеніе Христа неизбѣжно соединяется и должно соединяться съ человѣкообожаніемъ, Христосъ воплощается въ людяхъ обыкновенныхъ; но что-же для того нужно, чтобы человѣку сдѣлаться «христомъ»?

«Богъ тогда «христа» рождаетъ,
«Когда все въ немъ умираетъ» [3]),

отвѣчаютъ хлысты; поэтому, чтобы Христосъ въ комъ нибудь воплотился, необходимо умереть для грѣха и воскреснуть для духа. Мысль эта раскрыта въ ученіи хлыстовскаго пророка Радаева, 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, проповѣдавшаго въ арзамазскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи и потому извѣстнаго подъ именемъ Арзамазскаго «пророка». Ученіе о томъ, какъ умереть грѣху, или ученіе о таинственной смерти представляетъ строго аскетическую проповѣдь о трезвенномъ вниманіи, о значеніи молитвы, которая есть бесѣда съ Богомъ, о самоотверженіи и преданности волѣ Божіей. «Весь отъ себя отрекись и предайся волѣ Божіей. Таинственная смерть—состояніе безстрастія и святости». Но за вопросомъ о таинственной смерти выдвигается, какъ главный фокусъ

---

[1]) Барсовъ. Духовные стихи, стр. 131, № 86.
[2]) „Русск. Вѣстн.“ 1869 г. мартъ, стр. 320.
[3]) Дух. стих. № 27. Подробн. см. у Добротворскаго, гл. III.

какъ конечная цѣль, вопросъ о таинственномъ воскресеніи. Умершій для грѣха воскресаетъ для Бога. Это воскресеніе описывается уже чисто посектантски. Въ воскрешемъ—особыя своеобразныя свойства. Въ таинственно-воскресшаго вселяется Духъ—Богъ, вселяется на столько, что совершенно поглощаетъ личность человѣка. Что-бы человѣкъ ни дѣлалъ, дѣлаетъ уже не онъ, а—Духъ—Богъ, и «во всякихъ вещахъ человѣкъ своей воли уже не имѣетъ». «Мы и сами знаемъ, говорилъ Радаевъ, что не сходны иные наши поступки съ писаннымъ закономъ,—и намъ тяжело и скорбно такъ поступати. Что-же намъ дѣлать? Своей воли не имѣемъ. Сила, во мнѣ дѣйствующая, не даетъ мнѣ покою ни днемъ, ни ночью, водитъ меня туда и сюда». «Вы скажете, писалъ онъ своимъ ученикамъ, какъ можно Духу Святому тобою дѣйствовать, толикій грѣшникъ?! Какъ знаете вы, что я—грѣшникъ? Кто вамъ сказалъ? Вы скажете, сами знаемъ твой грѣхъ.—Грѣхъ знаете, но милость Божію со мною не знаете. ....Неужели я васъ прельщаю и ложно учу?» [1]). На такомъ представленіи таинственно воскресшаго основывается безусловный авторитетъ хлыстовскаго пророка, его неотразимое вліяніе, его деспотическая власть надъ другими, рядовыми хлыстами и хлыстовками, которой они подчиняются безъ всякаго размышленія, какъ автоматы. «Живущій въ немъ духъ имѣетъ силу притягивать и притягиваетъ къ нему другихъ» [2]). Важно узнать, и въ свое время увидимъ, куда, въ какую сторону водитъ этихъ пророковъ «духъ», къ совершенію какихъ поступковъ, съ писаннымъ закономъ не согласныхъ, движетъ ихъ волю. А теперь остановимся пока еще на нѣкоторыхъ чертахъ таинственно воскресшаго.

Чтобы мнимыя дѣйствія «духа» сдѣлать болѣе непостижимыми,—вѣрнѣе, чтобы требованія свои прикрыть особою таинственностію,—придавъ имъ смыслъ требованій высшей воли,—хлыстовскіе пророки притворяются юродивыми и такъ объясняютъ свое юродство. «Дадеся ми благодать Божія великая, только я себя строго веду, не открываю ясно никому сего ради и подуриваю индѣ. Никакъ нельзя мнѣ не подуривать мѣстами. Безумное Божіе мудрѣе человѣкъ. Кто хочетъ быти мудръ предъ Богомъ, предъ людями буй да бу-

---

[1]) У Добротворскаго, гл. III, стр. 78 и далѣе.
[2]) Тамъ-же, стр. 88.

детъ» [1]). Наконецъ, эти таинственно воскресшіе, эти живые самозванные «боги» окружены видѣніями и жизнь ихъ исполнена чудесъ. Основатель хлыстовства не умеръ, а съ плотію вознесся на небо. Сусловъ два раза былъ распятъ въ Москвѣ на кремлевской стѣнѣ и два раза воскресъ. Аввакумъ Копыловъ послѣ сорокадневнаго поста былъ взятъ двумя ангелами на седьмое небо, гдѣ и получилъ повелѣніе доходить по книгамъ о томъ, какъ душу спасти [2]). Радаевъ также былъ восхищенъ на небо, а на землѣ обладалъ даромъ сердцевѣдѣнія и былъ провидѣцъ; онъ зналъ, кто какой жизни, кто дурной, кто хорошей. Разъ въ церкви стояла дѣвушка, злобу въ сердцѣ имѣющая противъ вдовы, тутъ же находившейся. Радаевъ вывелъ дѣвушку изъ церкви на паперть и сказалъ: «такъ въ церкви стоять не подобаетъ». Въ другой разъ, вышедъ изъ церкви, онъ увидѣлъ внутренними очами въ одномъ домѣ сидящихъ за ужиномъ и дѣвушку впереди. Духъ побудилъ его идти въ тотъ домъ и взять дѣвушку въ келью.

Онъ—чудотворецъ и предсказатель смерти: разъ исцѣлилъ хворую женщину, давъ ей напиться квасу; въ другой разъ одному крестьянину предсказалъ смерть его жены,—пришелъ къ нему въ домъ, сталъ перебирать лучины въ рукахъ, одну воткнулъ въ полъ и сказалъ: «одинъ останешься»; чрезъ четыре дня жена умерла. Другая женщина, по предсказаніи, умерла на слѣдующее утро [3]).

И не одни упомянутыя лица, а и всѣ «пророки»
„По поднебесью летаютъ,
„Рай и муку созерцаютъ».
Все это въ исторіи. Что же теперь, въ наше время?

Забыты многими имена Данилы Филиппова, Ивана Суслова и другихъ; совсѣмъ быть можетъ неизвѣстны имена Настасьи Карповой, Андреянушки, Копылова, Радаева; но идеи ихъ остались и остаются и доселѣ живыми. Повсюду у хлыстовъ вы увидите «боговъ», «христовъ», «пророковъ», «богородицъ» и подобныхъ «богодухновенныхъ сосудовъ духа»,—съ тѣмъ же вышечеловѣческимъ авторитетомъ, съ тѣмъ же непреоборимымъ вліяніемъ. Не говоря о беллетристичес-

---

[1]) Добротворскій, стр. 80—81.
[2]) Хлысты и скопцы Константина Кутепова, стр. 90. Казань.
[3]) Добротворскій, стр. 88—90.

комъ произведеніи извѣстнаго писателя П. Н. Мельникова (Андрея Печерскаго)—«На горахъ», въ коемъ художественно изображенъ имъ бытъ хлыстовъ за 40—50 лѣтъ назадъ, вотъ современныя данныя, заимствованныя нами изъ судебныхъ дѣлъ. Въ массѣ прочитанныхъ нами слѣдствій все—одно и тоже, повсюду—«боги», «богородицы», «христы», «пророки». Передадимъ наиболѣе характерное. Въ недавно производившемся дѣлѣ о хлыстахъ въ г. Мамадышѣ казанской губерніи [1]), во время судебнаго слѣдствія было свидѣтелями показано, что одинъ подсудимый говорилъ: «у насъ спаситель въ Москвѣ». Судившіеся въ 1887 году Ардатовскіе хлысты (симбирской губ.) называли Священное писаніе «тенетами, которыя опутываютъ народъ», износя богохульства, утверждали, что Спаситель можетъ родиться и отъ мужчины, разумѣя совращеніе изъ православія. Въ тоже время они имѣли нѣсколько своихъ «пророковъ» и «пророчицъ». Одинъ изъ этихъ «пророковъ», крестьянинъ села Четвертакова Иванъ Ситниковъ имѣлъ столь сильное вліяніе, что послѣдователей своихъ убѣждалъ чинить мерзости, которымъ имени нѣтъ. Входящей на собраніе «пророчицѣ» Дарьи Фоминкиной кричали: «иди, духъ Божій, иди, батюшка!» [2]) Въ Оренбургѣ главари хлыстовства, два брата Иванъ и Семенъ Ушицкіе, каждый называлъ себя «христомъ», а Иванъ Ушицкій сожительницу свою Марью Строганову называлъ Маріей Магдалиной. На собраніяхъ, или на «бесѣдкахъ» оба они распинались, какъ и Христосъ распинался. Но послушаемъ объ этомъ разсказъ свидѣтельницъ.

Иванъ Ушицкій, разсказывали онѣ, въ молодости велъ себя плохо, занимался воровствомъ, но потомъ пріубожился, говорилъ, что на него благодать находитъ свыше, имѣетъ даръ откровенія и творитъ чудеса. На бесѣдкахъ онъ [illegible] поетъ, читаетъ, сопровождая это конвульсивными движеніями, истерическими рыданіями, становится на колѣни, распинается, раскинувъ въ сторону руки и оставаясь въ такомъ положеніи безъ движенія, пока не свалится, какъ пластъ». Рядомъ съ нимъ стоитъ «богородица Марья, графиня изъ царскаго рода,—на самомъ дѣлѣ незаконно рожденная пе-

---

[1]) Разсматривалось окружнымъ судомъ 3 декабря 1896 года.

[2]) Заимствовано изъ обвинительнаго акта Казанской судебной палаты, 9 окт. 1887 г.

тербургская мѣщанка. Семенъ Уфицкій тоже выдавалъ себя за Христа, а одного старика Сергѣя за Бога Отца и объяснялъ другимъ, что всегда, и въ церкви, и дома, смотря на иконы, должно въ сердцѣ имѣть его—Семена, да Сергѣя. Онъ тоже распинался: — станетъ къ стѣнѣ, распростретъ руки и стоитъ такъ съ четверть часа. Женщины заливаются слезами, думая, что онъ за нихъ распинается. Идя домой онъ разсказывалъ по секрету, что, стоя на колѣняхъ, онъ видѣлъ, какъ благодать спускалась на него въ видѣ огненнаго шара. Какъ велико было вліяніе этихъ мнимыхъ «христовъ» на другихъ, особенно на молодыхъ женщинъ, видно изъ слѣдующихъ разсказовъ: «брыкайся, брыкайся, говоритъ первый изъ пророковъ одной молодой женщинѣ, изъ моихъ рукъ не выбрыкаешься». Про другаго пророка, Семена Уфицкаго одна свидѣтельница разсказывала: «онъ какимъ-то духомъ опаивалъ меня, и вскорѣ послѣ его бесѣдокъ я начала тосковать, дожидалась бесѣдокъ, какъ манны небесной. Въ присутствіи Семена дѣлалась сама не своя, будто кто связывалъ меня. И на бесѣдкахъ, когда онъ дохнетъ на меня, я чувствовала, какъ въ голову мнѣ ударяло что-то какъ бы сверху, и въ тоже время сознаю, что я ничего не могу сказать, ни шевельнуться. Собралась было я въ Кіевъ грѣхи замаливать, но съ дороги вернулась. Въ концѣ концовъ сдѣлалась совсѣмъ больна, стала кричать по ночамъ, а иногда и днемъ. Какъ мнѣ Богъ помогъ отдѣлаться отъ Семена, я и сама не знаю». Да и послѣ того, какъ отдѣлалась, свидѣтельница на судѣ, въ присутствіи обвиняемыхъ лжепророковъ, не произнесла ни слова, находясь точно подъ вліяніемъ гипноза. Въ тоже время другая свидѣтельница разсказывала: «чувствовала я себя, какъ околдованная, три года промучилась, не зная покоя, а онъ Уфицкій только посмѣивался и говорилъ: я тебя духомъ своимъ приручилъ, не вырвешься изъ моихъ рукъ». Третья свидѣтельница, молодая баба Акулина, на вопросъ другихъ: вѣритъ ли она, что Семенъ—«христосъ», отвѣчала: «какъ не вѣрить?—Вѣдь онъ распинается»[1]).

Вотъ до чего доходитъ и до чего доводитъ первая заповѣдь хлыстовскаго ересіарха:—до какихъ демоническихъ раз-

---

[1]) Всѣ означенныя свѣдѣнія заимствованы нами изъ слѣдственнаго дѣла и вынесены изъ залы засѣданія оренбургскаго окружнаго суда. См. „Миссіон. Обозр.“ 1897 г. іюль, кн. 1. стр. 578—588.

мѣровъ выростаетъ авторитетъ и вліяніе мнимыхъ хлыстовскихъ «христовъ», къ какимъ непостижимо дикимъ послѣдствіямъ, къ какой тяжелой духовной кабалѣ приводитъ ученіе хлыстовъ о перевоплощеніи! Съ христіанской точки зрѣнія все это—одно надруганіе надъ христіанствомъ.

II.

Но это надруганіе совершается подъ великимъ секретомъ. Хлыстовство—секта тайная и въ вѣковомъ его просторѣ много тайнъ погребено. Еще первымъ ересіархомъ заповѣдано тайнъ этихъ никому не открывать: ни отцу, ни матери, если будутъ и огнемъ жечь, и кнутомъ быть. И современный ставропольскій (самарской губ.) хлыстовскій пророкъ требовалъ: «а что будетъ происходить на собраніяхъ, какія пѣсни будутъ пѣть, знали бы только твои губы, да зубы»[1]). И только мѣстами, относительно пѣсней и способа пѣнія хлысты начинаютъ нѣсколько откровенничать, и то по особымъ побужденіямъ, дабы,—сколько можно думать,—лучше замаскировать многое другое, болѣе неприглядное и преступное.

Съ казовой стороны, мы уже замѣчали, хлыстъ—человѣкъ богобоязненный, благочестивый, готовый жертвовать на нужды церковныя, съ уваженіемъ говорящій о пастыряхъ церкви, не рѣдко усердный церковный староста. Въ Оренбургѣ извѣстный, осужденный въ 1892 году, хлыстовскій пророкъ Осипъ Дурмановъ состоялъ даже противоштундовымъ миссіонеромъ[2]). Такъ въ исторіи секты, такъ и до-нынѣ.

Начиная съ Суслова и доселѣ пророки хлыстовскіе заповѣдуютъ ходить въ церковь и уважать ея служителей. Они всячески стараются поддерживать видимую связь съ церковію и особенно съ представителями церковной власти. «Братія мои, писалъ хлыстовскій пророкъ Радаевъ,—обращаясь къ своимъ послѣдователямъ,—«будьте усердны къ св. церкви, вѣруйте, что все, что въ ней установлено,—свято: три поклона въ ней дороже 300 домашнихъ. Почитайте іереевъ по премногу и весь причетъ церковный любите, пороки ихъ не смотрите, но—санъ и должность ихъ великую. Они

---

[1]) Изъ слѣдств. дѣла. Сообщено въ „Миссіон. Обозр“. 1896 г. ноябрь, кн. I, стр. 715.

[2]) „Мисс. Обозр.“ февр. 1897 г. кн. 1 стр. 111, въ примѣчаніи.

служители Бога Вышняго. Господу зѣло угодно ихъ почитати. Кто ихъ почитаетъ, Бога почитаетъ». «Яко на страшномъ судѣ предъ Богомъ, вся своя согрѣшенія до малѣйшаго открыть и признаться предъ Богомъ и духовнымъ отцемъ,— Господь повелѣваетъ: *покайтеся, приближибося царствіе Божіе.* Когда человѣкъ чисто признается въ своихъ грѣхахъ предъ Богомъ и духовнымъ отцемъ, тогда онъ крещается чрезъ разрѣшеніе и душа омывается та, аки водою, разрѣшеніемъ отъ священника, отъ Бога освящается благодатію... Братія мои, почаще причащайтесь; велія польза—частое причащеніе великой тайны» [2]).

Лѣтъ 10—12 назадъ, обнаруженные въ тетюшскомъ уѣздѣ казанской губерніи и содержавшіеся при волостномъ правленіи хлысты говорили и указывали намъ, что они ничего не читаютъ, кромѣ святаго Евангелія, которое постоянно у нихъ въ рукахъ и на языкѣ. И хлысты Алатырскіе, судившіеся въ 1894 году, всѣ до единаго утверждали на судѣ, что они усердно исполняютъ всѣ требованія церкви, а на предварительномъ слѣдствіи заслужили самый лестный отзывъ со стороны мѣстнаго священника. На судебномъ разбирательствѣ въ г. Мамадышѣ казанской губерніи, 30 ноября минувшаго 1896 года, хлыстовка заявляла, что она только ту дорогу знаетъ, которая ведетъ отъ дому къ церкви. Вотъ какъ велико усердіе хлыстовъ и ихъ преданность православію!

Но завѣса приподнимается. Одинъ изъ арзамазскихъ хлыстовъ 40-хъ годовъ разсказывалъ на слѣдствіи увѣщанія своего «пророка»: «хотя церковь спасти можетъ, но попъ такъ скоро къ царствію небесному не приведетъ, какъ онъ— (пророкъ) и при томъ не приведетъ такъ высоко, какъ онъ» [1]). «Церковь православная есть церковь внѣшняя, плотская, не имѣющая дарованій Духа,—церковь людей Божіихъ есть церковь духовная, чрезвычайныя дарованія имущая:—и даръ пророчества, и даръ языковъ, и сказанія языковъ. Таинства церкви внѣшней имѣютъ значеніе, но только прообразовательное; какъ и прообразы ветхозавѣтные, они указуютъ на таинства духовной церкви Божьихъ людей. Поэтому наставлялъ и современный Самарскій пророкъ приходившихъ въ

---

1) Добротворскій, стр. 33.
2) Добротворскій, стр. 33.

секту: «въ церковь ходить можно, но церковныхъ молитвъ не повторять, а твердить молитву такъ: Господи Іисусъ Христосъ, Государь Сынъ Божій, помилуй, аминь» [1]).

Такимъ образомъ похвальный листъ православію уже значительно урѣзывается; за преданностію православной церкви стоитъ нѣчто другое, какъ высшее и лучшее.

Далѣе, завѣса поднимается выше: православные священники, эти «служители Бога Вышняго», награждаются уже другими эпитетами, это—еретики, идолопоклонники, черные враны, кровожадные звѣріе, волки злые, безбожные іудеи и фарисеи, даже «сопатые ослы» [2]). «А что, видѣлъ попа наряднаго? спрашивалъ съ ироніею не давній хлыстовскій пророкъ 80-хъ годовъ. Загробная участь этихъ «нарядныхъ поповъ» такова. Видятъ летающіе по поднебесью хлыстовскіе пророки священника въ облаченіи, котораго ведутъ два діавола. Обнаженные люди,—его бывшіе прихожане, бросаютъ въ него камнями. Священникъ спѣшитъ отъ нихъ укрыться; предъ нимъ огненный адскій кладязь. Посему, на ряду съ священниками, и всѣ православные—народъ невѣрный, люди нечистые; у нихъ

„За плечами чертъ сидитъ,
„Онъ и рѣчи говоритъ".

А тѣ, которые доносятъ о нихъ начальству, суть христопродавцы, іуды:

„На страстной было недѣли,
„Гнались за Христомъ юдеи;
„Они гнали, не нагнали,
„Завсегда Христа видали.
„Въ одно время при бесѣдѣ
„Былъ Іуда при ковчегѣ;
„Пришелъ Юда на торжище
„Себѣ хлѣба покупать,
„Началъ думать и гадать,
„Какъ ему Христа продать.
„Къ архиреямъ приходилъ,
„Смѣло двери растворилъ,
„Съ архиреями говорилъ:

---

[1]) „Мисс. Обозр." 1896 г. ноябрь, кн. 1, стр. 316.

[2]) Рождественскій, стр. 189 и слѣдствіе объ Алатырскихъ хлыстахъ 1897 года, по обвинит. акту.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

„Вы духовны архиреи,
„Что вамъ думать и гадать?
„Я хочу Христа продать,
„Вы извольте покупать.... [1]).

Смыслъ стихотворной пѣсни не историческій, а современный ея появленію, смыслъ иносказательный, имѣющій въ виду хлыстовъ и ихъ мнимыхъ гонителей.

Но вотъ завѣса совсѣмъ поднята; тайна хлыстовства съ разсматриваемой стороны совершенно разъясняется, мнимые христопродатели и гонители отходятъ на второй планъ. На первое мѣсто выдвигается сама эта «внѣшняя церковь» съ ея таинствами и вѣрованіями, при чемъ забывается хотя бы и прообразовательное ея значеніе. Одинъ изъ первыхъ изслѣдователей секты хлыстовъ, названныхъ «людьми Божіими», профессоръ И. М. Добротворскій заявлялъ, что ненависть ихъ къ прав. Церкви простирается до страшнаго богохуленія надъ священными предметами и надъ Самимъ Богомъ. Послѣднія богохуленія онъ стѣснялся и передавать. Хлысты знали, что ихъ въ этихъ богохуленіяхъ обвиняютъ, и Радаевъ оправдывается въ этомъ такъ: «которые доносятъ, хулы будто мы на Бога говоримъ, сіе не можно поняти вамъ; тутъ премудрость духа насъ симъ покрываетъ отъ людей». [2])— Пусть премудрость духа покрываетъ, но мы раскроемъ, что находимъ сколько нибудь возможнымъ, не возмущая чрезъ мѣру религіознаго чувства. Вотъ, напримѣръ, заявленія о Церкви и св. иконахъ: «я на ваши образа и церковь плюю» [3]). На малой Охтѣ въ Петербургѣ сходились нѣкогда сектанты ночью для своихъ моленій и когда утромъ слышали первый благовѣстъ церковнаго колокола, вскрикивали:

„Чу, ребята, чертъ заколотилъ» [4]).

Въ Калужской губерніи хлысты называли крещеніе дѣтей крещеніемъ котятъ. Въ Саратовѣ сектантъ, послѣ причащенія св. таинъ, говорилъ: «согрѣшилъ я сегодня, упился виномъ, въ немже есть блудъ» [5]). Изъ новѣйшаго времени одинъ священникъ казанской епархіи показывалъ на слѣдствіи, что одна женщина, принявъ св. дары, удержала ихъ

---

1) Тамъ же, стр. 172.
2) Добротворскій, стр. 82.
3) Тамъ же, стр. 36.
4) Рождественскій, стр. 189.
5) Тамъ же, стр. 190.

во рту, на что онъ, священникъ, обратилъ вниманіе и побудилъ ее проглотить. Въ другихъ слѣдственныхъ дѣлахъ встрѣчались также указанія, что св. дары, по причащеніи, извергали въ платокъ. Самарскій епископъ въ своемъ недавнемъ циркулярѣ удостовѣряетъ, что хлысты принимаютъ св. тайны не только безъ вѣры, но и съ отрицаніемъ Божественной ихъ святости [1]).

Но самою яркою и самою возмутительною иллюстраціею дѣйствительныхъ отношеній хлыстовъ къ православной церкви и ея таинствамъ является дѣло объ Ардатовскихъ хлыстахъ, 1887 года. Къ святому причастію они ходили, пообѣдавши, при чемъ говорили: «мы поѣли свѣжинки, теперь пойдемъ, медку поѣдимъ». Они часто ходили въ церковь, но не молились, и даже кривлялись,—по выходѣ же изъ церкви насмѣхались надъ богослуженіемъ, часто исповѣдывались и причащались, но на самомъ дѣлѣ не вкушали св. таинъ, а удерживали ихъ во рту, относили къ своимъ пророкамъ и пророчицамъ, которые бросали ихъ въ нечистыя мѣста [2]). Одинъ изъ прежнихъ хлыстовскихъ пророковъ, не смотря на запрещеніе ѣсть мясо, за три дня до праздника Рождества Христова, увидѣвъ бѣгающими поросятъ, сказалъ, что Богъ велѣлъ зарѣзать поросенка и изжарить, что и было исполнено [3]).

Завѣса, скрывавшая тайну хлыстовъ по отношенію ихъ къ православной Церкви и духовенству приподнята такимъ образомъ во весь ростъ. Тайны не стало. Но напрашивается вопросъ: что́ же, вмѣсто всего церковнаго, даютъ хлыстовскіе пророки своимъ послѣдователямъ?

III.

Относительно внѣшняго культа своего хлысты блюдутъ тайну, но и эта тайна давно уже обнаружена; и здѣсь скрывавшая эту тайну завѣса сдернута и про нее хорошо знаютъ не одни «только хлыстовскіе губы да зубы». Разскажемъ, что извѣстно, о пріемѣ въ секту, объ обрядахъ богомоленія, о причащеніи хлыстовъ и, наконецъ, о похоронахъ заживо.

---

[1]) „Миссіон. Обозр.“ февр. 1897 г. стр. 118. На послѣднемъ миссіонерскомъ съѣздѣ многими миссіонерами было подтверждено это обстоятельство.

[2]) Обвинит. актъ Казанской судебной палаты 9 сент. 1887 года

[3]) Добротворскій, стр. 75.

У основателя секты въ его заповѣдяхъ мы никакихъ установленій не находимъ касательно этихъ обрядовъ: все зависѣло и доселѣ все зависитъ отъ пророковъ, къ которымъ заповѣдывалось питать безусловную вѣру.

1) *Пріемъ въ секту* замѣняетъ собою крещеніе и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называется перерожденіемъ. Сущность пріема заключается въ произнесеніи обѣтовъ хранить тайну, никому не объявлять, ни отцу, ни матери, ни роду, ни подростку, ни попу—отцу духовному, ни другу мірскому, хотя бы огонь принять, хотя бы кнутъ принять, хотя бы топоръ принять [1]), слушать пророка больше отца и матери. Обѣты обставляются такъ, что присоединяемые должны дать за себя порукой «Самого Христа, Царя Небеснаго». «Смотри же, замѣчаютъ ему, что-бы Христосъ отъ тебя поруганъ не былъ», и при этомъ приводятъ его къ присягѣ предъ иконою. Все это происходитъ въ собраніи, въ коемъ всѣ присутствующіе держатъ въ рукахъ зажженныя свѣчи. Послѣ произнесенныхъ обѣтовъ идутъ прощенія предъ Богомъ, Богоматерью, предъ ангелами, предъ небомъ, землею и всѣми тварями, въ томъ, что до этого времени они не принадлежали къ сектѣ. Затѣмъ испрашиваются прощенія и молитвы у присутствующихъ. «Простите насъ, простите, братцы и сестрицы; виноваты, виноваты мы, грѣшные, помолитесь за насъ, за наши грѣшныя души. Благодаримъ васъ на молитвахъ вашихъ праведныхъ и святыхъ». Всѣ встаютъ и начинаютъ молиться. «Дай намъ, Господи, Іисуса Христа, дай намъ, сударь, Сына Божія». По окончаніи молитвы новоприсоединенныхъ обводятъ вокругъ комнаты съ пѣніемъ: «Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи», «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся [2])». Пророкъ, или пророчица крститъ присоединяемаго три раза зажженною свѣчею, что и означаетъ крещеніе Духомъ Святымъ и огнемъ [3]).

Когда и кѣмъ установленъ этотъ чино-пріемъ, сказать рѣшительно нельзя; но онъ—древній, о немъ упоминается еще въ слѣдственномъ дѣлѣ 1733 года. Въ настоящее время онъ нѣсколько разнообразится, по мѣстамъ имѣетъ свои особенности, хотя сущность обѣтовъ—одна и таже. Въ дѣлѣ

---

1) Рождественскій, стр. 214—215.
2) Добротворскій, 59.
3) Тамъ-же, 60 и Рождественскій, 215.

объ Ардатовскихъ хлыстахъ 1887 года пріемъ въ секту описывается такъ: пріемъ происходилъ въ домѣ крестьянина алатырскаго уѣзда, Петра Тонкова,—принимали одного мужчину и двухъ женщинъ, которые сами о томъ и разсказывали. «Когда они пришли въ домъ Петра Тонкова, къ которому съѣхались въ то время сектанты изъ разныхъ мѣстъ, то крестьянинъ изъ села Собаченокъ, ардатовскаго уѣзда, Василій Саловъ не пустилъ ихъ въ помѣщеніе, гдѣ было уже собраніе, а пошелъ прежде посовѣтоваться о пріемѣ ихъ со своею братіею и затѣмъ уже ввелъ ихъ въ собраніе. При входѣ тотъ-же Василій Саловъ спросилъ ихъ, желаютъ-ли они присоединиться и послѣ утвердительнаго отвѣта (самый ритуалъ вопросовъ и отвѣтовъ въ дѣлѣ не записанъ),—далъ имъ по восковой свѣчи, три такихъ-же свѣчи зажегъ у иконы Спасителя и велѣлъ присоединяющимся стать на колѣни, послѣ чего всѣ присутствующіе запѣли какіе-то стихи на мотивы народныхъ пѣсней. Когда окончилось пѣніе, ихъ заставили на колѣняхъ подползать къ каждому сектанту, кланяться въ ноги и цѣловаться со всѣми безразлично, съ мужчинами, женщинами и дѣвицами, при чемъ старшій изъ сектантовъ Михаилъ Кисляковъ (видимо, пророкъ) дулъ на нихъ и говорилъ: «печать дара Духа Святаго». Послѣ этого тотъ-же Кисляковъ, вставши среди избы задомъ къ иконѣ, и запрокинувши назадъ голову, началъ усиленно дышать въ потолокъ, а Василій Саловъ сталъ ходить вокругъ него, приговаривая: «духа нѣтъ, духа нѣтъ». Въ тоже время хозяинъ дома Петръ Тонковъ всталъ на колѣни, поднявъ къ верху руки, а потомъ вдругъ вскочилъ и началъ бѣгать кругомъ по избѣ. Не много спустя Михаилъ Кисляковъ и Петръ Тонковъ стали произносить какія-то непонятныя слова...

Потомъ принесли три калача, положили на столъ и стали къ нимъ прикладываться, затѣмъ разрѣзали на части и роздали всѣмъ присутствующимъ[1])». У самарскихъ хлыстовъ ставропольскаго уѣзда пріемъ въ секту описывается нѣсколько иначе. Приходящихъ переодѣваютъ въ отдѣлной избѣ, мужчину одѣваютъ въ бѣлую длинную рубаху съ широкими рукавами, женщину—въ бѣлую-же рубаху и синій сарафанъ, на голову повязываютъ бѣлый платокъ, концами назадъ, на ноги обуваютъ лапти. При пріемѣ бываетъ крестный отецъ

---

[1]) Обвин. актъ Казанск. суд. палаты 9 окт. 1887 г.

и крестная мать, которые вводятъ присоединяющагося въ собраніе, или, по выраженію сектантовъ, «во святая святыхъ», какъ была введена Божія Матерь. Когда введутъ въ собраніе, крестный отецъ даетъ въ руки присоединяющемуся икону, а крестная мать зажженную свѣчу. Въ собраніи—почти всѣ мѣстные сектанты, мужчины одѣты въ бѣлыя длинныя рубахи ниже колѣнъ, съ широкими рукавами и въ бѣлые подштанники; ноги—босыя. Заправитель собранія спрашиваетъ присоединяющихся: „для чего ты пришелъ,—или пришла—къ намъ?» Присоединяемые, наученные крестными отцемъ и матерью, отвѣчаютъ: «потрудиться, съ вами Богу помолиться»,—или иначе: «Спасову образу помолиться, да съ вами поводиться».—«Съ нами трудиться трудно», замѣчаетъ присоединяющій,—«у насъ заповѣди есть: мужу съ женою жить, какъ брату съ сестрою, неженатымъ не жениться; знай, что женѣ нельзя даже для мужа обѣдъ собрать. Если даже дочь твоя родитъ, то къ ней нельзя ходить шесть недѣль». Присоединяемые отвѣчаютъ: «Помолитесь за меня батюшкѣ Данилу Филипповичу»,—основателю секты, память о которомъ, значитъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще сохраняется [1]). Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшіе обѣты, чтобы не пить хмѣльного, не ходить на свадьбы и на крестины, хранить тайну и почитать своихъ крестныхъ паче отца и матери. На предлагаемые о семъ вопросы присоединяемые отвѣчаютъ: «помолитесь за меня государи—пріятели». Когда обѣты произнесены, на присоединяемаго надѣвается особый крестъ съ лучами [2]).

Оба описанные чинопріема не противорѣчатъ по существу одинъ другому, а скорѣе дополняютъ; разница только въ употребленіи имени Данилы Филиппова, да въ незначительныхъ мелкихъ обычаяхъ.

Въ Костромской губерніи въ порядокъ чинопріема привходитъ слѣдующій обычай грязнаго свойства. Хлыстовская «богородица» ложится на полу въ широкой рубахѣ, вверхъ лицомъ и присоединяющійся долженъ проползти подъ ея рубахою съ головы до ногъ,—что и называется перерожденіемъ [3]).

---

[1]) Объ этомъ обстоятельствѣ заявлялъ и на миссіонерскомъ съѣздѣ самарскій представитель, раздѣлившій существующихъ въ Самарской епархіи хлыстовъ на нѣсколько отдѣльныхъ обществъ.

[2]) „Миссіон. Обозр.“, 1896 г. ноябрь, кн. 1 стр. 315—316.

[3]) Сообщено на миссіонерскомъ съѣздѣ.

2)«Послѣ чинопріема въ секту наиболѣе таинственнымъ дѣйствіемъ считается причащеніе. Святое причащеніе христіанской Церкви, какъ мы уже видѣли, отвергнуто и поругано сектантами. Но одно отверженіе вообще не въ духѣ народа; нужно было замѣнить его чѣмъ либо другимъ, подобнымъ. Оставимъ бывшее нѣкогда въ большомъ ходу мнѣніе о причащеніи хлыстовъ кровію закалаемыхъ младенцевъ, «христосиковъ», и грудью «богородицы» (у одной «богородицы» хлысты будто-бы цѣлую грудь отъѣли),—мнѣніе, породившее еще не въ очень давнее время даже литературную полемику. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ нами въ одной судебной экспертизѣ [1]). Едва-ли кто сомнѣваться будетъ, что хлысты, по крайней мѣрѣ теперь,—не людоѣды, да были-ли они когда нибудь и прежде таковыми,—очень сомнительно.

У основателя секты относительно причащенія нѣтъ ничего. Но преемники его, неизвѣстно опять когда и по чему, ввели обрядъ причащенія. Уже въ слѣдственномъ дѣлѣ 1733 года упоминается, что сектанты на своихъ собраніяхъ «принимали и ѣли изъ рукъ предводительныхъ мужика или женщины куски хлѣба, пили квасъ, а иногда и воду, вмѣняя то за св. причастіе [2]). Думаемъ предположительно, что въ этомъ обычаѣ сказалась именно потребность ввести и у себя то, что существуетъ въ православной Церкви, отъ которой ушли они не по раціоналистическому отверженію ея тайнодѣйствій, а со всѣмъ по другимъ причинамъ и во имя другихъ цѣлей. Какъ бы то ни было, но причащеніе является и послѣ 1733 года и существуетъ въ настоящее время, причемъ предметамъ чувственнымъ стали придавать иногда смыслъ аллегорическій.

Въ обществѣ или кораблѣ Копылова,—существовавшемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія,—причащались водою и хлѣбомъ; хлѣбъ изображалъ Слово Божіе, вода—слезы кающихся грѣшниковъ. Алатырскіе сектанты прежняго времени причащались кусочками сухарей изъ бѣлаго хлѣба съ надрѣзанными на нихъ изображеніями креста. Въ настоящее время, какъ мы уже видѣли, хлысты означенной мѣстности причащаются кусочками бѣлаго калача. Но при этомъ они толкуютъ, что причащаться Христова тѣла значитъ взять на себя Христово дѣло, т. е. страданіе и гоненіе. У нѣкоторыхъ хлы-

---

1) См. журналъ „Мин. Юстиц.“ 1896 г. Январь.

2) „Истор. Мин. Вн. Дѣлъ“, Воронинова, прибавл. къ т. VIII, стр. 23. Распоряженія по расколу.

стовъ причащеніемъ служитъ то, что у сидящей въ углу «богородицы» цѣлуютъ колѣнку, или другую часть «святаго и животворящаго тѣла» [1]).

Относительно послѣдняго способа причащенія существуетъ и хлыстовская пѣсня:

«Молодая ты юница,
«Богу милая пѣвица,
«Чистая откровица,
«Красная дѣвица.
«Полюбилъ тебя Богъ,
«Самъ Господь Саваоѳъ.
«Благословенна ты въ женахъ,
«Родишь Спаса въ пеленахъ,
«Въ золотыхъ во теремахъ.
«Люди божьи тебѣ помолятся,
«Всѣ цари, короли поклонятся,
«Будешь ты святая юродица,
«Матушка «пресвятая богородица»,
«Отъ тебя «христоѳъ» народится,
«Дай намъ пречистымъ твоимъ тѣломъ причаститься» [2]).

Въ новѣйшее время стало также извѣстно причащеніе изюмомъ, т. е. сушенымъ виноградомъ, и другими способами, частію странными, частію омерзительными [3]). Лѣтъ около 10-ти назадъ въ казанской епархіи, въ хлыстовскомъ домѣ,—въ которомъ сектанты собирались на моленія, найдены, между другими, слѣдующія иконы: а) одна икона изображаетъ Спасителя, — хотя ликъ совершенно не похожій,— сверху Его виноградная лоза; внизу изображенъ человѣкъ въ длинномъ бѣломъ одѣяніи, въ родѣ женской блузы; около него надпись: «крови твоея пречаститися и тѣла твоего мя сподоби». Другая икона представляетъ комнату съ окномъ, въ коей на большомъ креслѣ сидитъ женщина, на стѣнѣ портретъ мужчины; внизу—молоденькая дѣвушка, предъ нею—чаша, въ которую стекаетъ жидкость изъ виноградной лозы. Подъ сидящею женщиною подписано: «святая Анна»,-

---

1) Рождественскій, стр. 215, Обвинит. актъ. 1887 г.

2) Рождественскій, 206.

3) Послѣднее обнаружено въ слѣдствіи по дѣлу Алатырскихъ хлыстовъ 1887 г. и засвидѣтельствовано на миссіонерскомъ съѣздѣ.

надъ портретомъ мужчины—«Іоакимъ». Дѣвушка, судя по надписи на оборотной сторонѣ—«Марія». Затѣмъ,—надпись: «благослови Марію и святыхъ таинъ сподоби». Іоакимъ и Анна, Марія не иное что, какъ профанація извѣстныхъ священныхъ именъ. Св. Іоакимъ и Анна были неплодны, Марія—ихъ духовня дочь,—причащается винограднаго соку [1]).

У самарскихъ хлыстовъ ставропольскаго уѣзда обнаруженъ особый родъ причащенія. Хлысты глотаютъ пламя и дымъ отъ зажженныхъ свѣчь. Происходитъ это такимъ образомъ: одна изъ присутствующихъ на собраніи дѣвицъ зажигаетъ три восковыя свѣчи, становится посреди собранія и къ ней всѣ подходятъ по очереди. Подходящихъ она спрашиваетъ: «чѣмъ ты кормишься»? Подходящій отвѣчаетъ: «Господи Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, помилуй насъ; аминь Царю Небесному. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Божьяго, аминь Царю Небесному, Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ, аминь". Тогда дѣвица задуваетъ свѣчи и съ дымомъ даетъ каждому въ ротъ, говоря: „принимай, принимай святаго божьяго духа". Иногда свѣчей и не задуваетъ, а заставляетъ хватать пламя отъ нихъ. [2]) Ардатовско-Алатырскіе хлысты, какъ обнаружено по дѣлу 1887 г., причащались самымъ мерзко-пакостнымъ образомъ, и мы сами должны покрыть сіе завѣсою. Довольно сказать, что крестьянинъ, села Четвертакова Иванъ Голяткинъ, хлыстовскій пророкъ безобразную, чувственную „христову любовь" называлъ „духовнымъ обѣдомъ". По послѣднему оренбургскому дѣлу выяснилось, что хлыстовскій пророкъ, при цѣлованіи, старается всунуть въ ротъ лобызаемаго свой языкъ, чтобы послѣдній проглотилъ часть его слюны. [3])

3) Кому не извѣстны въ общемъ богомоленія хлыстовъ, заключающіяся сначала въ пѣніи, потомъ въ разнаго вида пляскахъ и круженіяхъ, именуемыхъ радѣніями, и въ пророчествахъ? Къ этому присоединяется иногда нѣчто въ родѣ

---

[1]) Наша экспертиза по означенному дѣлу. Слѣдствіе по отсутствію состава преступленія, предусмотрѣннаго статьями 196 и 203-й, было прекращено. Вещи-же отобраны и переданы, по распоряженію епархіальнаго начальства, въ академическую библіотеку, съ ними переданъ еще деревянный сундучекъ, о которомъ рѣчь ниже.

[2]) Изъ нашей экспертизы о Ставропольскихъ хлыстахъ. Сообщено въ Миссіон. Обозр. и напечатано за ноябрь, кн. 1, 1896 г. стр. 317—318.

[3]) Показаніе одной свидѣтельницы, см. „Мисс. Обозр." іюль и „Церк. Вѣд. 1897 г. № 28.

бичеваній полотенцами, или жгутами, съ приговариваніемъ: „хлыщу, хлыщу, Христа ищу“. Какъ бы ни стали мы объяснять происхожденіе такого культа,—вліяніемъ ли западнаго квакерства, или юродствомъ, столь уважаемымъ въ народѣ, или инымъ чѣмъ нибудь,—несомнѣнно, что этотъ культъ издавна присущъ хлыстовству и тайна этого культа стала разоблачаться еще въ началѣ 18 вѣка. Разгаданъ уже и смыслъ этой тайны; это—въ образахъ таинственная смерть и таинственное воскресеніе, иначе—умерщвленіе плоти и полученіе духа.

„Богу порадѣйте,
„Плотей не жалѣйте,
„Марѳу не щадите,
„Богу послужите“.
„Не жалѣйте вы плотей,
„Тѣхъ нечистѣйшихъ свиней“.

„Нукась, господинъ хозяинъ, обращается пророкъ къ хозяину дома предъ радѣніемъ, благоволите-ко намъ съ государемъ-батюшкою повеселиться, небесною пищею его насладиться, богомъ—свѣтомъ завладать и на святомъ кругу его похватать“.[1]) Отъ этого «порадѣть» на языкѣ сектантовъ, значитъ „слова Божія послушать, мягкихъ пироговъ покушать“. Покушавшіе этихъ «пироговъ» разсказывали: «посредствомъ радѣнія я бывалъ внѣ себя отъ радости, всѣмъ бывшимъ въ собраніи говорилъ что-то, но что именно, не помню“.[1]) Теперь радѣнія, ради прикрытія, или, можетъ быть, по чему другому, стали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ нѣкоторыхъ хлыстовскихъ обществахъ, называться просто „бесѣдками“. Но существо этихъ „бесѣдокъ“ одно и тоже, что и радѣнія. „Бесѣдки дѣлали всегда то, разсказывала судебному слѣдователю оренбургскаго окружнаго суда одна увлеченная женщина, въ прошедшемъ году,—что послѣ нихъ дѣлалось какъ-то легко, радостно, свѣтло, но въ тоже время чувствовалось, что какъ-то все сильно болитъ, какъ будто тебя изрубили, но стоило придти кому либо, одаренному «духомъ», и дохнуть на тебя, или поговорить, какъ снова чувствуешь легче, точно исцѣлили тебя.... Мнѣ говорили, что на бесѣдкахъ братья могутъ воплощать въ себѣ Христа“.[2])

---

1) „Ист. М. Вн. Д.“ Вородинова, стр. 502.

2) Изъ Оренбургскаго дѣла о хлыстахъ, разсмотрѣннаго 17 мая настоящаго года. Сообщеніе о немъ въ „Мисс. Обозрѣніи“, іюль 1897 г.

Примѣчательно, что пѣніе во время собраній разныхъ, сектантами составленныхъ, пѣсней, въ родѣ: „Дай намъ Господи Іисуса Христа, дай намъ, сударь, Сына Божія“,—соединялось и соединяется съ пѣніемъ пѣсней священныхъ: „Царю Небесный“, «Многая множества моихъ, Богородице, прегрѣшеній», «Христосъ воскресе», «Воскресеніе Христово видѣвше» и другихъ. При этомъ молились и молятся крестомъ на всѣ четыре стороны.

Наукою установлены и извѣстные виды радѣній:—одиночное, въ схватку, стѣнкою, корабельное, крестное, круговое [1]), когда всѣ вдругъ кружатся отдѣльно съ такою быстротою и силою, что скорость оборотовъ подобна вихрю; при этомъ иные трясутся, ломаются, какъ бѣсноватые, присѣдаютъ къ землѣ и снова вспрыгиваютъ и кричатъ: «ой, богъ, царь, духъ, благодать»? Иные, такъ называемые, «купидоны», радѣли совсѣмъ нагіе. Измышлены были и объясненія въ оправданіе всего этого безобразія, заимствованныя изъ исторіи и пѣсней церковныхъ: „Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя. Людіе же Божіи святіи, образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ“; и въ день пятидесятницы „бысть шумъ, якоже носиму дыханію бурну... и вси начаша глаголати странными глаголы, странными ученіи“. Сочинены, наконецъ, и эти странные глаголы, въ видѣ пророчествъ, которыхъ потомъ не помнятъ:

„Слушай, братъ,
„Саваоѳъ тебѣ радъ;
„Я тебя не оставлю,
„Сорокъ ангеловъ приставлю“,

и другіе подобные....

Было бы долго разсказывать про все это дикое сплетеніе христіанскихъ именъ и событій съ чѣмъ-то чисто языческимъ, болѣзненнымъ воображеніемъ изобрѣтеннымъ и оберегаемымъ, какъ большой секретъ, какъ „великая тайна“. Отмѣтимъ еще то, что намъ пришлось узнать по дѣламъ слѣдственнымъ позднѣйшаго времени.

Указанныя формы радѣній строго не соблюдаются, а разнообразятся. Радѣнія Ардатовскихъ и Алатырскихъ хлыстовъ 80-хъ годовъ заключались въ томъ, что всѣ присутствовав-

---

[1]) См. нашу Истор. и Облич. раскола часть 2-ю Богослужебный культъ хлыстовства.

шіе, разувшись, чтобы не было сильнаго топота,—начинали прыгать вокругъ „пророка“, или „пророчицы“, которые вертѣлись по срединѣ избы на одномъ мѣстѣ. Радѣнія начинались пѣніемъ кантовъ, при чемъ на пророка, или пророчицу,— обыкновенно Дарью Фомакину, сходилъ «духъ»; для этого она приговаривала въ тактъ поющихъ: «ой, духъ, ой, духъ». Пророкъ въ это время, поднявъ руки къ верху, говорилъ: «иди, духъ Божій, иди, батюшка». За тѣмъ Фомакина вдругъ вскрикивала, какъ бы испугавшись чего-то, дѣлала земной поклонъ, цѣловала полъ и, выскочивъ на средину избы, начинала кружиться такъ быстро, что почти невозможно было разглядѣть ея лица; при чемъ махала руками и произносила какія-то непонятныя слова, т. е. пророчествовала. Въ это время другіе сектанты, ставъ бокомъ другъ къ другу, вокругъ Фомакиной, начинали прыгать, описывая около нея кругъ, что продолжалось часа два, пока всѣ не приходили въ изнеможеніе. Послѣ круженія, Фомакина, сложивъ крестообразно руки на груди, кланялась каждому изъ присутствовавшихъ въ ноги, съ словами: «не судите, не я говорила; духъ Божій во мнѣ говорилъ». Сектанты отвѣчали: «спаси тебя Господи», и дѣлали ей на спинѣ рукою знакъ въ видѣ креста. Пророки въ это время, перевѣсивъ чрезъ плечо утиральникъ, или платокъ, обходили всѣхъ со словомъ, т. е. пророчествовали на непонятномъ языкѣ; пророчества эти выслушивались присутствовавшими стоя на колѣняхъ. Пророчества растолковывались мужемъ Фомакиной. Иногда на собраніяхъ бѣгали крестикомъ, для чего четверо сектантовъ вставали по угламъ избы и перебѣгали, при пѣніи стиховъ, одинъ на мѣсто другаго. Иногда во время радѣній прыгали вокругъ чана съ водою и хлопали по водѣ рукавами одежды.[1]) Самарскіе хлысты (ставроп. уѣзда) на радѣніи мужчины и женщины ходятъ кругомъ, прискакивая, за тѣмъ выносятъ груду полотенцевъ, которыми мужчины перевязываются чрезъ плечо, а женщины крестъ-на крестъ. Полотенца эти свиваютъ жгутомъ и хлещутъ ими себя по спинѣ до крови; нѣкоторые ударяютъ себя въ грудь кулаками. Во время радѣній поютъ пѣсню: «Рѣпушка, матушка, кто тебя сѣялъ, поливалъ? Сѣялъ рѣпку Богъ, поливалъ Духъ»; или: «Взойду на гору круту, посмотрю на красну зорьку»[2]). Самар-

1) Обвинит. актъ 1887 г.
2) Слѣдств. дѣло 1896 г.

скіе мормоны бузулукскаго уѣзда,—представляющіе смѣшеніе хлыстовства съ молоканствомъ,—на собраніяхъ поютъ и пляшутъ, потому что—весело, а одинъ изъ ихъ «боговъ» лѣтомъ радѣлъ въ полѣ, послѣ обѣда, когда работники отдыхали:—скинувъ исподнее бѣлье, въ одной коротенькой рубашкѣ, отойдя нѣсколько въ сторону, онъ кружился на одномъ мѣстѣ. Когда же смотрѣвшій на это одинъ изъ работниковъ, по окончаніи, спросилъ его, что это онъ дѣлалъ, мормонъ отвѣчалъ: „матренку тѣшилъ". Оренбургскій хлыстовскій пророкъ, переродившись въ «Христа»,. всѣхъ находившихся въ одной съ нимъ комнатѣ назвалъ кого апостоломъ Павломъ, другаго Іаковомъ, третьяго архангеломъ Михаиломъ. Около дверей означенной комнаты собралось много народу, все—вѣрующіе. Самозванный „христосъ" не впускалъ ихъ, говоря: что «недостойны въ рай»; но потомъ впустилъ трехъ дѣвушекъ, по-красивѣе, а потомъ и всѣхъ. Войдя въ комнату, сектанты запѣли: «Воскресеніе Христово видѣвше»... Потомъ въ комнатѣ наступилъ такой шумъ, было такое столпотвореніе, что просто ужасъ пронялъ меня, разсказывалъ одинъ свидѣтель. Всѣ бывшіе что-то пѣли и подъ пѣніе такъ дико подпрыгивали, такъ бѣсновались, что нѣкоторые рвали на себѣ волосы».[1])

Въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что мнимыя, непонятныя пророчества хлыстовъ доходятъ до предсказанія смерти извѣстнаго члена, который дѣйствительно вскорѣ скоропостижно и умираетъ [2]). Приговореннаго къ смерти заживо и отпѣваютъ. Прочитавъ въ слѣдственномъ дѣлѣ такое показаніе, мы усумнились въ этомъ, такъ какъ трупы скоропостижно умершихъ, по закону, подвергаются вскрытію. Между тѣмъ объ этомъ предсказаніи смерти и отпѣваніи заживо извѣстно уже не намъ однимъ. Издатель журнала «Миссіонерское Обозрѣніе», замѣтивъ о загадочности такихъ «пророчествъ», разсказываетъ про самый обрядъ отпѣванія живыхъ покойниковъ,—со словъ обратившихся къ православію. Хлыстовскіе пророки и пророчицы,—эти «прозорливые чародѣи» и «злые вѣщуны», пишетъ онъ, предсказываютъ кому-либо о скорой кончинѣ. «Въ полунощномъ собраніи, обстав-

---

1) Изъ послѣдняго дѣла объ Оренбургскихъ хлыстахъ. Сообщеніе въ „Миссіон. Обозр." 1897 г.

2) Дѣло о хлыстахъ ставропольскаго уѣзда, 1896 года.

ленномъ таинственностію, пророкъ возвѣщаетъ: «духъ открылъ мнѣ, что ты, «братецъ», или «сестрица», ходишь къ верху ногами,—тебя, братецъ, зоветъ къ себѣ «государь батюшка», самъ «саваоѳъ», надо тебя, братецъ, приготовить... Рыданія однихъ, безумные восторги съ неистовыми взвизгиваніями другихъ, радующихся, что братъ, или сестра удостоиваются счастливаго призыва самимъ «государемъ—батюшкою», тупыя муки и слезы обреченнаго на смерть и его присныхъ,—все это смѣшивается въ какой-то сатанинскій гамъ, прерываемый радѣльными круженіями... Назначается ночь отпѣванія. Корабль въ полномъ сборѣ, всѣ—въ бѣломъ одѣяніи. Передній уголъ съ излюбленными у хлыстовъ иконами ярко освѣщенъ. Крестный по хлыстовству батюшка, или матушка вводитъ «жертву» въ моленную и ставитъ по срединѣ моленной. Въ моленной царствуетъ мертвая таинственная тишина. Всѣ подъ давящимъ впечатлѣніемъ скорой разлуки съ живымъ мертвецомъ; обреченный проливаетъ обильныя слезы, плачутъ съ нимъ и другіе. Въ рукахъ «живого покойника» зажженная свѣча и «знамечко»— свитокъ изъ холста. Съ зажженными свѣчами стоятъ и прочіе члены корабля. Тогда кормщикъ или кормщица беретъ радѣльное полотенце, завязываетъ на концѣ его узелъ и заунывнымъ голосомъ затягиваетъ: «Святый Боже», при чемъ, махая полотенцемъ на подобіе священническаго кажденія около гроба три раза обходитъ «живого мертвеца....» Послѣ того даютъ всѣ присутствующіе цѣлованіе (прощаніе) живому покойнику, и на этомъ оканчивается собственно обрядъ отпѣванія. Показатели удостовѣряютъ, что въ періодъ нахожденія ихъ въ сектѣ около 10 лѣтъ, такихъ отпѣваній имъ извѣстно пять случаевъ: отпѣваемые—казалось имъ—все люди здоровые; но затѣмъ «отпѣтые», дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время, отъ 3 до 6 недѣль, умирали и большею частію скоропостижно и безболѣзненно» [1]).

Нужно сознаться, что здѣсь, дѣйствительно, не разгаданная еще «тайна». Такъ какъ эта тайна связана съ жизнію и смертію, то и наука и власть обязаны сдернуть завѣсу и съ этой тайны, должны всѣми силами постараться обнаружить дикій секретъ.

---

[1]) „Мисс. Обозр.“, 1896 г. ноябрь, кн. 1, стр. 318—319.

IV.

Главнымъ существеннымъ свойствомъ хлыстовской секты служитъ ея нравственное ученіе. Въ нравственной доктринѣ—ея первичный поводъ и конечная цѣль. Все остальное придумано какъ только средство и само по себѣ едвали бы могло держаться и привлекать послѣдователей. Всякая бредня получаетъ смыслъ и значеніе отъ той только цѣли, ради которой она придумана. Мы замѣчали уже, что поводомъ къ образованію хлыстовства была народная распущенность; по сему и главныя заповѣди основателя секты, которыя опредѣляли ея практическій характеръ, предписывали воздержаніе. Этимъ она живетъ и доселѣ и въ этомъ ея увлекающая сторона, въ этомъ ея удочка, на которую попадаетъ простодушный, благочестно настроенный, особенно житейскими невзгодами и печалями отягощаемый человѣкъ. Не въ вихрѣ внѣшнихъ удовольствій ему забыться, а въ подвигахъ воздержанія успокоить смущенную душу. Героиня повѣсти Мельникова «На горахъ» стала внимать проповѣди хлыстовской учительницы (вымышленная Марья Ивановна)—подъ вліяніемъ любви, которую она считала несчастною, при страстномъ ея желаніи неимѣющею законнаго выхода. Поэтому ее и заинтересовало какое-то «духовное супружество» невѣдомыхъ ей людей, и пошла она искать разгадки, что это за супружество такое, какое-то особенное, возвышенное и святое, совсѣмъ не похожее на плотскую, грѣшную любовь. Въ хлыстовствѣ рядомъ съ подвигомъ и особое наслажденіе до самозабвенія. И христіанская мораль, самая строгая, тоже говоритъ о любви и объ утѣхахъ радости и блаженства, но—какъ о чемъ-то слишкомъ отдаленномъ, за порогомъ земнаго бытія находящемся, а здѣсь счастіе такъ близко; приходи и бери его. Вотъ чѣмъ заманчива мораль хлыстовства, вотъ съ чѣмъ могла и можетъ мириться легкомысленная натура, вотъ почему она можетъ уживаться съ фантастически-дикимъ ученіемъ о безконечныхъ богоявленіяхъ въ лицѣ смертныхъ людей.

Но напрашивается вопросъ: на сколько на самомъ дѣлѣ помогло «умнымъ людямъ» вторичное сначала, а потомъ и непрерывающееся созываніе Бога на землю, на сколько оно уврачевало и врачуетъ ихъ нравственные недуги, на сколько умудрило и уцѣломудрило ихъ жизнь? Другими словами: что

на самомъ дѣлѣ сдѣлали для возвышенія народной нравственности мнимый «саваоѳъ» и послѣдующее за нимъ цѣлое полчище самозванныхъ «христовъ» и «пророковъ»?

Въ отвѣтъ на эти вопросы сектантами выставляется опять казовая сторона; все остальное, двусмысленное прикрывается завѣсою, облекается тайною, тщательно охраняемой. Но нельзя ли и здѣсь сдернуть завесу и обнаружить тайну?

Мы уже знаемъ, что основатель хлыстовства проповѣдывалъ аскетизмъ и строгое воздержаніе. За нимъ ближайшіе его преемники и всѣ хлыстовскіе пророки до настоящаго времени проповѣдывали и проповѣдуютъ тоже, присовокупляя: «Блюдите чистоту, аки зеницу ока». И внимающіе этой проповѣди послѣдователи хлыстовства не пьютъ вина, не ходятъ на свадьбы и крестины, не участвуютъ въ народныхъ гуляньяхъ, многіе, едва ли не всѣ, не ѣдятъ мяса, пожилые супруги оставляютъ сожительство; въ тоже время между собою они замѣчательно дружны: «братецъ», «сестрица», «тетенька»,—вотъ ихъ любимыя слова при обращеніи къ другому, нѣтъ ни брани, ни сквернословія, столь обычныхъ въ народѣ,—женщины и дѣвушки очень скромно и чисто одѣваются, но безъ всякаго щегольства и по возможности однообразно; они скромны и въ своихъ манерахъ, съ потупленными взорами; къ женщинамъ и дѣвушкамъ со стороны мужчинъ—полное уваженіе, ибо «нѣсть мужскій полъ, не женскій». [1]) «Ужь друга обнимемъ всѣ святымъ братскимъ лобзаніемъ. Тяготы станемъ другъ друга носить»,

«Братъ за брата вы молитесь,
«Другъ предъ другомъ вы смиритесь,
«Передъ слабымъ не гордитесь.
«Другъ друга не надо словомъ обижать;
«За зло зломъ не платите».

Эта взаимная любовь называется «сладчайшею», «сплошною», «величайшей», «неистощимой», «дочерью неба», «красотой, разливающейся во всемъ мірѣ». [2])

«Кротость и любовь имѣйте,
«Берегите свои плоти, не склонилъ бы къ земли слонъ» [3])

---

1) Рождественскій, 144.
2) Тамъ-же, 175.
3) Тамъ-же, 176.

«Душа пришла къ Создателю
«Крѣпостью, постомъ».

Поэтому и законъ сектантовъ есть законъ не простой,

«Не простой, трудовой,
«Трудовой, слезовой». [1])

О воздержаніи и трудѣ, о терпѣніи толкуютъ и современные сектанты. Намъ памятна рѣчь хлыстовки на судѣ въ г. Мамадышѣ (казан. губ.) 30 ноября прошлаго года. Въ послѣднемъ своемъ словѣ, обратившись къ суду, она чисто ораторски заговорила: «Развѣ міръ пьянствомъ стоитъ? Развѣ похабными словами держится? Развѣ за игры, да гулянья Богомъ хранится? ... Міръ стоитъ воздержаніемъ, трудомъ, терпѣніемъ, молитвою. Міръ живетъ Духомъ Божіимъ». Это ли не—лучшіе люди изъ всѣхъ людей?...

Въ награду инымъ, которые все это исполнили, Христосъ къ блаженной душѣ обращается:

«Что скучаешь ты на сырой землѣ?
«Иди въ слѣдъ за Мною;
«Я Господь съ тобою!»

Для этихъ исполнителей «трудоваго, слезнаго» закона, для этихъ «скучающихъ на сырой землѣ» устроенъ на небѣ градъ Сіонъ. Въ немъ стоитъ престолъ Божій; вокругъ его пречистыя силы, они машутъ крыльями, сами веселятся. Тамъ сады, цвѣты, птицы райскія, воспѣваютъ они пѣсни архангельскія. Тамъ палаты изъ чистаго хрусталю; тамъ постели божественныя, ложницы безчисленныя; тамъ въ сіяющихъ золотыхъ ризахъ живутъ, не унываютъ, всегда веселятся. [2])

Но если таково загробное состояніе блаженныхъ душъ хлыстовъ, то, съ другой стороны, совсѣмъ иное состояніе душъ нечистыхъ, которыя угождали плоти и къ обществу хлыстовъ не принадлежали.

И прежде всего эти нечистыя, плоти угождающія души,—а въ чемъ эта нечистота и угожденіе плоти, сейчасъ увидимъ, — по смерти переходятъ въ животныхъ, соотвѣтствующихъ ихъ наклонностямъ и живутъ въ нихъ,—переходя изъ одного животнаго въ другое, цѣлые вѣка. Какова тамъ ихъ жизнь, про то слышала и видѣла одна дѣвушка. Этой дѣвушкѣ, бывшей въ комнатѣ, явилась свинья, ободран-

---

[1]) Тамъ-же, 177.
[2]) Рождественскій, 172.

ная, безъ шерсти, «огонь и смрадъ изъ себя испущающая». Дѣвушка отъ страха хотѣла выскочить въ окно; но вдругъ слышитъ за собою гласъ человѣчь: «стой, стой, душа моя, не ужасайся; азъ—преокаянная мати твоя, проклятая отъ Бога, гнусный грѣхъ творила я съ отцемъ твоимъ». [1]) Поэтому одно предчувствіе этихъ душъ близкой смерти наводитъ на нихъ тяжелое уныніе.

Изъ разсказа неизвѣстной дѣвушки о томъ, какъ она видѣла свою мать, мы уже можемъ подмѣтить, въ чемъ главный, спеціальный грѣхъ хлыстовства. И дѣйствительно, начиная съ основателя Данилы Филиппова чрезъ всю исторію проходитъ самое строгое, безусловное требованіе не только не женатому не жениться, но и женатому разжениться, мужу съ женою жить, какъ брату съ сестрою. Ничто столько не разрушаетъ зданіе хлыстовства, ничто столько не противно его основной идеѣ, какъ открытое, законное супружество. «Брачная жизнь предъ людьми—мерзость, предъ Богомъ—дерзость». [2]) Въ ней—корень и источникъ всякаго зла; и первые люди пали грѣхомъ супружества, бредятъ сектанты; это и есть запрещенное Богомъ яблоко. Въ отверженіи этой «мерзости» и «дерзости» и заключается, съ обратной стороны, источникъ и верхъ совершенства. Къ этому направлялась и направляется вся проповѣдь хлыстовскихъ пророковъ. «Рабъ Божій, писалъ Радаевъ одному изъ своихъ ревностныхъ послѣдователей, пекись о умноженіи нашего братства, особенно влеки молодыхъ дѣвушекъ, любитъ ихъ Богъ, и если онѣ отъ чистаго сердца послѣдуютъ мнѣ, то я имъ приготовлю славные вѣнцы. Катѣ дамъ шесть серафимскимъ крылъ и лице ея просвѣтится какъ солнце. [3])

«Красна дѣвица душа»,
«Чисто серебро»
«Чистота твоя». А слезы ея, то́—
«Крупный жемчугъ.
«Бѣлъ крупенъ жемчугъ изъ очей твоихъ
«Слезы катятся, ко батюшкѣ въ небо просятся».

Такъ распѣвали когда-то хлысты. [4])

---

[1]) Прав. Обозр. 1873 г. кн. 1, стр. 326.
[2]) Кутеповъ, стр. 314.
[3]) Добротворскій, 91.
[4]) Духовн. стихи Барсова, 124, 104.

И теперь,—тоже особенное уваженіе къ дѣвушкѣ,—впрочемъ не къ ней уже одной, а вообще къ молодымъ женщинамъ, которыхъ разлучаютъ съ мужьями. Современные Оренбургскіе пророки братья Утицкіе совращали въ секту преимущественно дѣвушекъ, не брезгая и молодыми женщинами, стариковъ же и старухъ избѣгали. Одинъ изъ другихъ пророковъ (Кожевниковъ) и въ свой «рай» впускалъ сначала молодыхъ дѣвушекъ, покрасивѣе.[1]) И мамадышскій хлыстовскій пророкъ, по показаніямъ свидѣтелей на судѣ, говорилъ: «если бы удалось склонить Машу да Дашу, все селеніе пошло бы за нами».[2]) Правда, въ послѣднее время замѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хлысты женатые, оженившіеся не только до перехода въ секту, но и послѣ этого перехода. Но и при этомъ сектантская изворотливость сдѣлала жену исключительно только помощницею мужа въ работахъ и въ хозяйствѣ. Хлыстъ женится ради помощи въ работахъ, а не ради дѣторожденія, и указуетъ на слова Библіи: «не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощницу по нему» (Быт. 2, 18), и забывая другія, еще прежде записанныя слова Господа: «растителся и множителся» (1, 28) и непосредственно за вышеозначенными слѣдующія (2, 24). Отъ этого всегдашній идеалъ хлыста—разлученіе съ женою. Посему устрояются иногда браки совершенно фиктивные, съ взаимными обѣщаніями жить, какъ брату и сестрѣ.[3])

Такимъ образомъ, воздержаніе и терпѣніе, весь трудъ слезовой сами по себѣ,—какъ люди привыкли ихъ понимать,—отходятъ далеко на второй планъ; все пріурочивается къ отверженію семейной жизни; весь «трудъ слезовой», это—жизненный путь одинокаго, отъ семьи, какъ отъ скверны, оторваннаго человѣка. Потому и всѣ обѣщанныя награды являются, какъ слѣдствіе этого только труда и отверженія, и всѣ загробныя наказія слѣдуютъ за открытую жизнь въ законномъ супружествѣ, падаютъ они на тѣхъ только, которые идутъ другой дорогой, которые не захотѣли разорвать естественныя привязанности. Посмотримъ на ихъ ужасныя мученія. Уже не посторонняя, неизвѣстная дѣвушка, а извѣстные

---

[1]) Миссіон. Обозр. 1897. Іюнь.
[2]) Слышано на судѣ.
[3]) Выяснилось по послѣднему оренбургскому дѣлу. См. „Новые обычаи хлыстовъ“,—замѣтку нашу въ Церк. Вѣдомостяхъ“, № 28.

пророки, во время духовнаго опьяненія возлетавшіе на небо, разсказываютъ объ этихъ мученіяхъ.

«Мы летали по поднебесью,
«Мы видѣли диво дивное, чудо страшное и ужасное,
«Какъ душа съ тѣломъ разставалася, распрощалася:
«Ты прости, прощай тѣло бѣлое,
«Я въ тебѣ жила, тебя тѣшила,
«А сама себя въ муку сверзила».[1])

Видѣли они замужнюю женщину, сидящую на страшномъ и лютомъ звѣрѣ: два великихъ ужа разъѣдаютъ ея голову, два сосутъ ея груди, нетопыри грызутъ ея очи, изъ устъ ея исходитъ жупельный огонь, двѣ собаки грызутъ ея руки, адскій змій увлекаетъ ее въ адскія мѣста. Видѣли они другую женщину, стремглавъ бѣгущую въ адское жерло, она тащитъ за собой своего мужа, ихъ встрѣчаетъ ликующій бѣсъ. [2])

Послѣдними картинами приподнята уже завѣса, скрывавшая нравственную «тайну» хлыстовства,—поруганіемъ того, что Богомъ заповѣдано, что благословлено Христомъ, Спасителемъ міра, присутствіе Котораго оживило нѣкогда самое брачное торжество,—что Апостолъ Его назвалъ честнымъ и нескверным, а наиболѣе—тайною великою во Христа и во Церковь. [3])

Но это далеко еще не все. Завѣса поднимается выше, хлыстовскій «трудъ слезовой» является уже съ обратной стороны; видятся слезы, проливаемыя не проповѣдниками этого труда, а искалеченными ихъ жертвами. Природа жестоко отмстила хлыстамъ за поруганіе ея законовъ, или вѣрнѣе, сами они,—сначала, быть можетъ, невольно, инстинктивно только, а потомъ, потерявъ стыдъ и совѣсть, уже сознательно и свободно,—во всю ширь понеслись, точно въ «виттовой пляскѣ», по пути этого поруганія, изобрѣтая новые и новые способы къ тому, какъ бы опошлить человѣческую честь и въ грязь втоптать нравственное чувство.—Попытаюсь приподнять завѣсу съ этой стороны, сколько то возможно,—не по недостатку скрывающихся за нею картинъ, а по чувству приличія.

Еще на самыхъ первыхъ порахъ непосредственный преемникъ Данилы, Иванъ Сусловъ, проживая въ селѣ Павловѣ перевозъ, по рѣкѣ Окѣ (нынѣ село Павлово нижегор. губ.),

---

[1]) Духовн. стих., Барсова., стр. 97.
[2]) Прав. Обозр. 1873 г. стр. 327.
[3]) Іоан. гл. 2. Ефес. 5, 31—32.

водилъ съ собою «дѣвицу краснолична», «богородицей» именуемую, и жилъ съ нею.[1])

Далѣе, когда хлыстовство,—вслѣдствіе проповѣди внѣшняго аскетизма, нашло себѣ послѣдователей въ московскихъ монастыряхъ,—въ Ивановскомъ женскомъ монастырѣ оказалась «богородица» Настасья Карпова. По слѣдствію 1733 г. выяснилось, что на чердакѣ ея кельи находилась кровать и постель, кромѣ того въ самой ея кельѣ ночевали мужчины и женщины и сама она прижила ребенка.[2]) И послѣ того рядомъ съ каждымъ новымъ «христомъ» или «пророкомъ» стоятъ женщины, подъ именемъ «богородицъ» и «пророчицъ». «Самообольщенные пророки, замѣчаетъ одинъ ученый изслѣдователь, не анализировали своихъ мыслей и дѣйствій, но, считая себя «сосудами духа», не останавливали своихъ грѣховныхъ поползновеній».[3]) Такимъ образомъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, по выраженію одного хлыста, сдѣлавшагося основателемъ новой секты—скопчества, «всѣ были перевязаны лѣпостію», т. е. увлекались красотою. Основатель хлыстовства, самозванный «богъ», суровый въ своихъ требованіяхъ, суровъ былъ и по жизни; но отъ его строгихъ требованій въ нравственномъ отношеніи черезъ сто лѣтъ уцѣлѣли только жалкіе остатки. И вотъ одинъ изъ не менѣе, если не болѣе, суровыхъ его послѣдователей придумалъ радикальное для соблюденія чистоты средство,—поставить человѣка въ положеніе естественной невозможности грѣха, запечатлѣвъ его малою сначала печатью обрѣзанія, а потомъ, преемники его придумали и большую, «царскую печать», посадивъ земнаго странника и трудника сначала на «пѣгаго», а потомъ и на «бѣлаго коня».[4]) Не показалась большинству хлыстовъ эта реформа; «нѣтъ труда и награды, замѣчали они,—бороться съ врагомъ убитымъ, поборись съ живымъ»....

Что же, какое оружіе придумали они сами, т. е. хлысты, для этой борьбы? Заповѣдь Данилы Филиппова: «Святому Духу вѣрьте», сослужила имъ большую службу въ грязномъ дѣлѣ. Нельзя съ точностію указать, когда и кѣмъ въ первый разъ провозгла-

---

[1]) Розыскъ св. Димитрія, стр. 598.

[2]) Полн. собр. законовъ Россійск. Импер. т. IX, № 6613. См. у Кутепова стр. 59.

[3]) о Рождественскій, стр. 39.

[4]) Все это - техническія выраженія скопцовъ, обозначающія виды оскопленія чрезъ большее, или меньшее уродство. При этомъ введено и оскопленіе женщинъ изувѣрнымъ рѣзаніемъ грудей и половыхъ органовъ.

шенъ былъ,—въ замѣнъ законнаго брака и семьи,—принципъ странной, «духовной», «Христовой любви» братьевъ и сестеръ духовныхъ. Можетъ быть, еще ранѣе образованія скопчества придумана была формула: «то—грѣхъ, когда мужъ живетъ съ женою, а то́ не—грѣхъ, когда братъ съ сестрицею, по взаимной склонности, любовь имѣютъ»,[1]) особенно, когда «духъ» на нихъ накатываетъ; то—«тайна». Подъ покровомъ такой сентенціи развратъ получилъ не только полный просторъ, но и освященіе: явился всѣмъ извѣстный, такъ называемый, «свальный грѣхъ», послѣ радѣній, со всѣми его мерзостями, хотя эта форма не была всѣмъ присущею и единственною. Изобрѣтались, смотря по условіямъ жизни и вслѣдствіе необузданной фантазіи «пророковъ», другія формы, то болѣе смягченныя, то не менѣе отвратительныя, гдѣ эти «таинственно воскресшіе», эти мнимые пророки и «христы» преслѣдовали просто свои личныя грязныя цѣли.

Не будемъ говорить объ обществѣ полуаристократки, дочери директора банка въ Тюмени, жены деректора рязанской гимназіи Татариновой, увлекшейся и другихъ увлекавшей ложнымъ мистицизмомъ, – обществѣ, въ коемъ «духовное было смѣшано съ плотскимъ и болѣе имѣлось плотское»,[2]) въ коемъ происходили и непозволительныя сатурналіи и совершались дѣянія, имже имени нѣсть»,[3])—не будемъ говорить о немъ потому, что въ немъ не было основнаго догмата хлыстовства,—человѣкообожанія.[4])

Одновременно съ обществомъ Татариновой между малороссами подольской губерніи былъ извѣстенъ хлыстовскій пророкъ Савицкій,—бывшій штабсъ-капитанъ, а потомъ послушникъ Берштадтскаго монастыря, въ ольгопольскомъ уѣздѣ, въ 1824 году исключенный изъ духовнаго званія. Главное

---

[1]) Этотъ принципъ любви по взаимной склонности провозглашается и другими сектантами. Но развѣ и Церковь противъ взаимной склонности? Развѣ и она не тоже проповѣдуетъ?—Если-же это требованіе нарушается, то уже не Церковію, а тѣмъ же легкомысліемъ людей. Церковь одно дѣлаетъ: скрѣпляетъ и легкомысленные узы, обязывая тѣмъ легкомысленныхъ людей помнить возлагаемыя ими же самими на себя обязанности, а не довольствоваться однѣми чувственными похотями. Это и высоко и человѣчно. Безъ этого явилась бы полная распущенность и безпорядочно-нравственный хаосъ во взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины.

[2]) Отзывъ архимандрита Фотія. Русск. Архивъ 1873 г. № 8, стр. 1140—1141.

[3]) Юрій Толстой. „Дѣвятнадцатый вѣкъ“ кн. 1, стр. 226.

[4]) Рождественскій, стр. 52.

гнѣздо его секты было однако въ этомъ именно монастырѣ. Этотъ «пророкъ», мечтая, что будетъ царемъ вселенной, болѣе всего стремился,—въ чемъ и успѣлъ,—стать въ интимныя отношенія съ дочерью священника Домной, которую называлъ «царицею небесною». Окруженная избранными дѣвицами, Домна увлеклась «великими молитвенными подвигами» Савицкаго и жила съ нимъ. Главный помощникъ Савицкаго, монастырскій послушникъ Павелъ Кушниръ тоже увлекъ молодую «пророчицу», дочь крестьянина Александру, изъ мѣстечка Чечельника. [1])

Гораздо типичнѣе Савицкого былъ не разъ упоминаемый арзамазскій «пророкъ» Радаевъ. Мы видѣли, что онъ творилъ чудеса, предсказывалъ будущее, усвоялъ себѣ власть вязать и рѣшить, обѣтовалъ своимъ послѣдовательницамъ «въ горнемъ Іерусалимѣ вѣнцы славные». Самъ онъ считалъ себя стоящимъ выше закона, зналъ, что́—грѣхъ и что́ не—грѣхъ, хотя многое въ поступкахъ его и не согласно было съ писаннымъ закономъ. И вотъ это не согласное.—Съ послѣднимъ звукомъ проповѣди «пребывать въ чистотѣ», слышалось обращеніе къ молоденькой дѣвушкѣ: «не я, но духъ велитъ тебѣ идти за мною», и дѣвушка безъ стыда, безъ размышленія, спѣшила повиноваться.[2]) Случалось, что у мужа возметъ жену, или сведетъ ее съ другимъ. Несчастныя жертвы развратника подпадали столь неотразимому его вліянію, что впадали въ состояніе страшной тоски, если удерживались кѣмъ нибудь отъ свиданія съ нимъ, доходили до какого-то безумія и юродства. [3]) Слѣдствіе установило преступныя связи его съ 13-ю женщинами, и это до 35 лѣтъ, когда онъ былъ преданъ суду. «Если многіе думаютъ, говорилъ онъ о себѣ, что я прелюбодѣйствую, такъ знай, я только прикидываюсь блудъ творящимъ, чтобы имѣть уничиженную душу». Были у него и другія объясненія, болѣе откровенныя, но еще болѣе возмутительныя. «Христосъ принялъ плоть Адама, чтобы грѣхомъ грѣхъ истребить, и я дѣлаю плотское, чтобы этимъ грѣхъ истребить». [4]) Тому же мнимому, грязному самоуничиженію, тому же кощунственному истребленію грѣха грѣхомъ поучалъ Радаевъ и свои жертвы. «Сіе—крайнее

---

[1]) Мельниковъ, Русск. Вѣстн. 1869 г. № 3, стр. 358—359. Варадиновъ, Ист. М. Вн. Дѣлъ т. VIII прибавл.

[2]) Рождественскій, стр. 46—47.

[3]) Тамъ-же, 48.

[4]) Тамъ-же, 180. Добротворскій, 69—73.

безуміе своей душѣ сноровити: ей надо волю давать духу дѣйствовати. Лучше духъ что дѣлаетъ самое негодное, нежели мы сами—хорошее. Съ которой, повидимому, я хуже поступлю, то лучше устоитъ. Коль веліе безуміе дѣлаютъ тѣ, которыя себя берегутъ; развѣ онѣ,—умнѣе Бога. Нужно смирить себя, чтобы не хвалиться чистотой своей».[1])

Но, можетъ быть, то́—преданія старины, хотя и не глубокой? Можетъ быть теперь, подъ вліяніемъ цивилизующихъ понятій, при смягченіи нравовъ, изчезли уже съ лица земли эти безобразія, прикрываемыя знаменемъ нелѣпыхъ религіозныхъ доктринъ? Раскроемъ страницы современныхъ слѣдственныхъ дѣлъ и посмотримъ, что́ въ нихъ начертано рукою слѣдователей,—которые для нѣкоторыхъ, извѣдавшихъ глубину паденія, замѣняли временами какъ бы отцевъ духовныхъ,—предъ которыми они порывисто, съ слезами раскаянія, хотѣли излить свою душу, такъ что послѣднимъ большого стоило труда записывать въ порядкѣ ихъ показанія, отдѣлять субъективныя чувства отъ объективныхъ фактовъ. Такъ писалъ намъ одинъ изъ слѣдователей.

Начнемъ съ того, что непосредственно слышали на судѣ въ ноябрѣ прошедшаго года въ г. Мамадышѣ изъ устъ той самой хлыстовки, которая ораторствовала, чѣмъ міръ держится. «И въ вашихъ стихирахъ, говорила она, поется: отложимъ всякое житейское попеченіе, *тайну* образующе». Въ чемъ эта тайна, объяснить она не пожелала, а мужъ ея, по окончаніи засѣданія, сказалъ своему мѣстному священнику: «Ивановскій еще въ десять разъ больше посѣдѣетъ, а тайны нашей не узнаетъ».

Но откроемъ нѣкоторыя слѣдственныя дѣлопроизводства. Въ 1894 году въ алатырскомъ уѣздѣ (симб. губ.), во время производства слѣдствія о хлыстахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу женщинъ подвергали медицинскому освидѣтельствованію, по подозрѣнію въ оскопленіи. Оскопленія не оказалось, но всѣ освидѣтельствованныя дѣвицы,—далеко уже не молодыя, найдены потерявшими чистоту.[2]) Между хлыстовками спасскаго и чистопольскаго уѣздовъ Казанской губерніи у женщинъ замѣчался необычный, испитой цвѣтъ лица, при отсутствіи дѣторожденій замужними женщинами. Являлось не безъосно-

[1]) Добротворскій, 75.

[2]) Дѣло о хлыстахъ Симбирскаго окр. суда, наша экспертиза, напеч. въ Журн. М. Юст. 1896 г. кн. 1.

вательное подозрѣніе, что онѣ принимаютъ вытравляющія плодъ вредныя снадобья.[1]) На крышкѣ небольшаго деревяннаго сундучка, найденнаго у хлыстовъ спасскаго уѣзда, съ внутренней стороны красками написана картина, изображающая людей на бѣлыхъ коняхъ, а внизу изображеніе радѣній и въ лицахъ—свальный грѣхъ.[2]) О Тарусскихъ хлыстахъ (калужской губ.), по поводу извѣстнаго, довольно громкаго дѣла 1895 года., сообщалось, что они—хлысты «не только терпятъ, но и поощряютъ внѣ-брачныя, неупорядоченныя сношенія мужчинъ съ женщинами, содѣйствуя крайнему растлѣнію народной нравственности. Одному православному его мать, хлыстовка не разъ совѣтовала бросить законную жену, какъ «безаконіе». Другой хлыстъ, отецъ взрослой дѣвушки на совѣтъ, отдать ее въ замужество, иначе дѣвушка можетъ потерять себя,—отвѣчалъ: «нѣтъ того дерева, на которомъ бы птица не сидѣла; побалуетъ и отстанетъ». Въ трактирахъ, на улицахъ хлысты прямо высказываются въ томъ смыслѣ, что «отъ жены отлѣпись, а къ другой прилѣпись». Путаться съ чужими женами значитъ «любовь имѣть, что голубь съ голубкою».[3]) Хлыстовскій развратъ сопровождается дикимъ самокалѣченіемъ. Дѣтей у хлыстовъ нѣтъ, или чрезвычайно рѣдко родятся. Въ случаѣ замѣченной беременности они принимаютъ, имъ однимъ извѣстныя мѣры къ вытравленію. Послѣдствіемъ этого является даже вырожденіе населенія, что и было доказано на судѣ неоспоримыми цифровыми данными.[4]) Мормоны Бузулукскаго уѣзда (самарской губ.) послѣ радѣній всѣ ходятъ вмѣстѣ въ баню.[5]) Но съ особенною картинностію обнаружены безнравственныя дѣянія современныхъ оренбургскихъ хлыстовъ. Въ 1892 году производилось дѣло о хлыстовскомъ «пророкѣ» Осипѣ Дурмановѣ и другихъ. По дѣлу выяснилось, что Дурмановъ, будучи главаремъ мѣстныхъ хлыстовъ, въ отношеніи нравственномъ проповѣдывалъ

---

1) Дѣла Казанскаго окр. суда. Объ этомъ обстоятельствѣ заявлялось и миссіонерами на съѣздѣ.

2) Сундукъ этотъ находится въ академической библіотекѣ.

3) Хлысты и не подозрѣваютъ, что это чисто по животному, фраза прикрываетъ смыслъ; что для голубя—чисто, то для человѣка уже не—таково. Уподобленіе одною какою либо стороною не есть общій, здравый законъ жизни. Левъ,—„благородный“ царь звѣрей, растерзывающій болѣе слбыхъ животныхъ, иногда и человѣка,—не былъ бы „благороднымъ“ царемъ людей.

4) Перепечатано изъ „Новаго Времени“ въ „Казанскомъ Телеграфѣ“, 1895 г. № 885-й.

5) Дѣло 1895 г.—еще едва-ли оконченное.

такое ученіе: «каждому духовному брату должна принадлежать духовная сестра, и при томъ достойному достойная». Дурмановъ осужденъ и сосланъ, но ему нашлись преемники въ лицѣ двухъ братьевъ, Ивана и Семена Утицкихъ, о которыхъ мы уже упоминали, что они на «бесѣдкахъ» своихъ распинаются и обладаютъ какою-то демоническою силою надъ несчастными жертвами, подпадшими ихъ вліянію. Оба они прикрывались личиною строгаго аскетизма; одинъ даже вериги носилъ, жилъ въ пещерѣ, читалъ акаѳисты, посѣщалъ монастыри, имѣлъ при себѣ какія-то мощи, ходилъ за благословеніемъ въ Кронштадтъ и самъ преподавалъ благословеніе, называя себя батюшкою Іоанномъ оренбургскимъ; но въ тоже время онъ посѣвалъ плевелы хлыстовскаго лжеученія далеко за предѣлами своей мѣстности, въ новгородской губерніи. Онъ жилъ при этомъ въ одной комнатѣ довольно открыто съ упоминаемою уже духовною сестрою Марьею Строгановой, и ходилъ вмѣстѣ съ нею въ баню. Семенъ, какъ выражались свидѣтели по возникшему судебному дѣлу, «зацѣпилъ въ духовныя сестры пять женщинъ, которыхъ опаивалъ своимъ духомъ, доводя ихъ до нервнаго разстройства, хороводился съ ними въ ночь—и за полночь, миловался, обнаруживая «тайну» и упрекая другихъ, болѣе стыдливыхъ, что въ нихъ все еще сидитъ сатана. При этомъ онъ какъ бы смѣхомъ говорилъ одной изъ этихъ духовныхъ сестеръ,—замужней женщинѣ, что-де мужа можно спровадить на тотъ свѣтъ, что-де для этого, иныя жены,—какъ онъ слышалъ, вливаютъ соннымъ мужьямъ въ ухо ртуть и я—показывала судебному слѣдователю свидѣтельница,—подъ вліяніемъ словъ этихъ, крѣпко держала на умѣ поступить также съ моимъ мужемъ; но Богъ, видно, не допустилъ меня до такого зла». Кромѣ двухъ братьевъ Утицкихъ были и другіе въ томъ-же родѣ, хотя въ меньшей степени. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Кожевниковъ «сталъ приставать къ кузнецу Ларіону, чтобы онъ уступилъ ему свою жену, красивую очень женщину. Ларіонъ колебался,—и жены-то жаль, да и отказать-то нельзя,—и уступилъ наконецъ. За женою его была послана пара лошадей и ее привезли. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна; но этотъ «духовный братъ» живетъ уже теперь, разсказывала свидѣтельница слѣдователю, съ другою «духовною сестрою». Одинъ изъ рядовыхъ хлыстовъ уступилъ другому въ «духовныя сестры» свою дочь; это—предсѣдатель волостнаго су-

да. Въ чемъ именно заключалась «тайна» хлыстовства, объ этомъ разсказывала также очевидица—свидѣтельница. «Семенъ Утицкій объяснялъ мнѣ, что между имъ и мною есть тайна; тайна эта въ томъ, что наши сердца соединяются, мое сердце даетъ его сердцу радость, а его сердце моему даетъ радость, въ этомъ и заключается духовное родство, духовная радость. Лежишь иногда больная, придетъ Семенъ Утицкій, спрашиваетъ: «что лежишь, больна видно твоя Марѳа (т. е. тѣло, плоть), и продолжаетъ: я знаю, что ей нужно и тутъ-же согрѣшитъ со мною». «Разъ бесѣдка собралась у меня въ избѣ,—показывала другая свидѣтельница, бесѣдка кончилась, стали расходиться.... мѣшкали только Семенъ Утицкій и А.... С.... Вдругъ А.... бросилась Семену на шею, съ крикомъ: «я духовнаго вина не напилась, давай духовнаго вина», и вцѣпилась въ Семена такъ, что стянула его въ своихъ объятіяхъ и Семенъ также обхватилъ ее руками, «уста ихъ сомкнулись» и они упали на кровать, стоявшую тутъ не—подалеку. А—я казалась какъ бы опоенною виномъ и приходя какъ бы въ неистовство отъ дыханія Семена, кричала мнѣ: «ты тайну не видала, такъ гляди, вотъ она—самая тайна.»[1])

Дальше идти, кажется, уже не куда. Правда, по ардатовскому дѣлу 1887 года, обнаружившему и «свальный грѣхъ» въ прежней формѣ, является возможность идти и еще дальше, приподнять завѣсу «тайны» и еще выше.... Но мы сами должны опустить ее вплотную, чтобы опомниться отъ всего видѣннаго и разобраться мыслію въ сочетаніи и сплетеніи прошедшихъ предъ нами картинъ и произнести общее сужденіе о хлыстовствѣ.

Итакъ: 1) множество священныхъ христіанскихъ именъ, коими испещрены и сочиненія и устныя рѣчи хлыстовъ, составляетъ одно возмутительное кощунство. Подъ этими именами со всѣми аттрибутами божественности и авторитета, являются совсѣмъ другія, далеко уже не священныя лица. 2) Усердіе и преданность православной Церкви есть одна только личина, за которой кроются свои «сіонскія горницы», свои «небесные чертоги», свои таинства и обряды. 3) Аскетическія проповѣди и возвышенныя рѣчи о постѣ, молитвѣ, трудѣ, терпѣніи, любви взаимной сведены къ тому, чтобы втоптать въ грязь законное супружество и разрушить семей-

[1]) Изъ послѣдняго дѣла объ Оренбургскихъ хлыстахъ: Строгановой, Утицкихъ и другихъ.

ное начало, при чемъ проповѣдь о любви растолкована въ смыслѣ грязнаго свободнаго общенія половъ и оправдывается словомъ «духъ»; такимъ образомъ исчезаетъ всякій критерій нравственности, снимается всякая узда съ развращенной воли, грѣхъ освященъ, дѣвство и духовное родство стало синонимомъ разврата.

Такимъ образомъ сдернута завѣса, прикрывавшая «тайну» хлыстовства со всѣхъ существенныхъ сторонъ его ученія и правилъ жизни. По ученію, хлыстовскіе «пророки»—великіе посмѣвающіеся надъ Богомъ, противники Христовой вѣры и Его Церкви; по жизни они, правда, не—людоѣды, но такіе развратники, какихъ рѣдко видѣлъ и видитъ свѣтъ. Да, наконецъ, и самое слово «тайна», хлыстами излюбленное и проповѣдуемое, самый секретъ тщательно оберегаемый наводятъ уже на подозрѣніе, что тутъ кроется что-то нехорошее, блазненное, нечистое, ибо добрыя дѣла не полагаются подъ спудомъ, а поставляются на свѣщницѣ, да свѣтятъ людямъ.

Но могутъ спросить: если мы сами въ концѣ концовъ опустили завѣсу хлыстовства, то ради чего и поднимали ее предъ вами: — не изъ желанія ли только повеселить васъ людскими глупостями, или, по большей мѣрѣ, удовлетворить праздное любопытство? Ужели ради этого стоило обнаруживать и показывать во всей наготѣ народныя болячки, коробящія нравственное чувство возмутительными картинами? Но, милостивые государи,—чтобы врачевать какую либо болячку, необходимо прежде осмотрѣть ее и установить діагнозъ. Но нужно ли, опять спросятъ,—нужно ли всѣмъ видѣть это и знать,—пусть знаютъ это одни врачи духовные, и довольно?... Но, и въ жизни церковной, какъ и въ общественной, и государственной, всѣ мы,—весь народъ,—являемся продуктомъ прошедшаго времени, питомцами вѣковой исторіи; и въ тоже время, съ другой стороны, сами создаемъ исторію будущаго. Если въ нашемъ общественномъ организмѣ оказываются такія болячки, на всѣхъ насъ и долгъ лежитъ уничтожать ихъ, кто чѣмъ можетъ:—кто прямымъ лѣченіемъ, а кто и надлежащимъ ухаживаніемъ за больными,—кто сколько можетъ;—кто много, кто мало,—долженъ принести отъ трудовъ своихъ на алтарь врачеванія, опустить въ сокровищницу общаго дѣла кто имперіалъ, или серебряный рубль, а кто и мѣдную копѣйку.

Грѣшно думать и успокоиваться на томъ, что-де «моя хата съ краю, ничего не знаю», да и знать не хочу. Равнодушіемъ своимъ мы ничего лучшаго не создадимъ и въ будущемъ. Это—одно, а есть и другое. Ни для кого не—секретъ, какъ личина увлекаетъ многихъ, какъ театральная завѣса съ ея фигурами и яркими красками приковываетъ вниманіе зрителей дѣтскаго возраста и какъ они въ своемъ дѣтскомъ воображеніи представляютъ и тамъ, на сцѣнѣ увидѣть тоже. Но поднимается завѣса и они въ лицахъ видятъ порокъ и слезы. Не даромъ и хлысты прикрыли себя завѣсою глубокой вѣры, усердія ко всему святому, чистоты жизни, скромности въ поведеніи, ласкою въ обращеніи. Необходимо сдернуть эту завѣсу, чтобы увидѣть предметъ во всей его наготѣ. И это необходимо видѣть и знать и пастырю Церкви, и законодателю, и администратору, и судьѣ, и обществу, и народу, первымъ,—чтобы не обманываться, а руководить общественнымъ мнѣніемъ надлежащимъ образомъ, послѣднимъ,—чтобы не увлекаться красивыми фразами и не создавать изъ себя ренегатовъ Церкви. Мы увѣрены, что даже и многія, расположенныя къ хлыстовству,—какъ одна изъ героинь повѣсти «На горахъ», Дуня Смолокурова,—не знаютъ до поры, до времени, до своего паденія, всѣхъ его тайнъ. Пусть же и онѣ во́ время узнаютъ ихъ и тогда, по всей вѣроятности, заговоритъ въ нихъ стыдъ и совѣсть и онѣ остановятся на порогѣ пучины грѣха и, размысливъ, обратятся вспять.

Оставляя о́бразный языкъ по адресу общества и останавливаясь на прямыхъ средствахъ борьбы съ недугомъ и врачеванія, мы должны прежде всего замѣтить, что открытая полемика съ хлыстами почти невозможна и если гдѣ и достигается,—напримѣръ въ Самарѣ и Тамбовѣ, [1]) то путемъ не малыхъ усилій и косвенныхъ вызывовъ. Прикидываясь людьми вполнѣ православными, хлысты ничего оспаривать, естественно, не будутъ, а будутъ или во всемъ соглашаться, или, по меньшей мѣрѣ, молчать и отрицать свое сектантство: тайнъ же своихъ они отнюдь не выдадутъ. Остается идти окольными путями, чтобы предохранять простодушныхъ отъ увлеченій, любопытныхъ отъ посѣщеній ихъ собраній, на первые разы и совершенно невинныхъ, благочестиво и нѣ-

[1]) Объ этомъ было заявлено на миссіонерскомъ съѣздѣ, о чемъ сообщено нами въ описаніи занятій съѣзда въ въ редакцію „Церк. Вѣдомосгей“.

сколько мистически настроенныхъ удерживать отъ ложнаго мистицизма. Для этого дѣтямъ нужна хорошая школа, взрослымъ чтеніе благочестивыхъ книгъ и еще болѣе—живыя бесѣды; нуженъ кромѣ того примѣръ доброй жизни, чуждой тѣхъ пороковъ, которые по преимуществу имѣютъ въ виду сектанты:—невоздержанія, наружной грубости, лѣности, увеселеній, и т. п.; нужно благоговѣйное совершеніе богослуженія, при глубокомъ молитвенномъ настроеніи, словомъ, нужно, чтобы и у насъ,—и въ церкви, и въ обществѣ, и особенно среди пастырей, было все то, что составляетъ казовую сторону сектантства; это и будетъ лишать сектантовъ всякой привлекательной новизны и отниметъ охоту слушать ихъ и съ перваго же слова увлекаться ими. По отношенію же къ самимъ сектантамъ, когда они упорно скрытничаютъ, прикидываясь строго православными, слѣдуетъ прилагать всѣ усилія и словомъ и дѣломъ къ тому, чтобы лишить ихъ скрытности, предоставивъ, пожалуй, ежели уже то необходимо, устроять собранія открыто, чтобы всякой,—и священникъ—могли придти и послушать и съ ними же побесѣдовать. Если же или пока достигнуть этого будетъ невозможно, то—опять необходимо разоблачать предъ православными ихъ «тайну», разсѣевать покрывавшій ихъ густой туманъ. И здѣсь разоблаченіе можетъ принести большую существенную пользу. Искренно, хотя и не горячо и не глубоко вѣрующій отъ кощунства отвратится и не промѣняетъ Церковь на ея поруганіе, не потерявшій стыда на безстыдство прямо не пойдетъ. А раскаявшіяся самарскія, ардатовскія и оренбургскія магдалины пусть выплачутъ предъ Богомъ свое горе и слезами раскаянія пусть отрезвляютъ юныя и неопытныя, порывистыя души!

Н. Ивановскій.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Кіевъ, 27 февраля 1898 года.
Цензоръ, Профессоръ Академіи, Протоіерей *І. Корольковъ.*

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская ул, домъ № 22.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	строка.	напечатано:	читать:
4	6 снизу	выставлена	выставляема
5	11 снизу	спасаются	спасалися
5	12 снизу	питаются	питалися
6	4 снизу	Чт. о древн.	Истор. и древн.
6	17 снизу	въ старой	въ Старой
7	2 снизу	въ несомненномъ	въ самомнѣнномъ
7	18 снизу	гибельную	небесную
8	3 примѣч.	т. 18	гл. 18
9	13 снизу	учиться	учить
10	13 снизу	проповѣдавшаго	проповѣдывавшаго
13	1 сверху	И. Н. Мельникова	П. И. Мельникова
13	17 и 18 сверху	Иванъ и Семенъ Ушицкіе	Утицкіе
13	9 снизу	господствуютъ	юродствуютъ
14	12 сверху	говоритъ	говорилъ
14	16 сверху	начала	начинала
18	11 снизу	на ваши	по ваши
19	7 сверху	святости	святыни
19	17 сверху	удерживали	удержавши
19	2 примѣч.	9 сент.	9 октября
29	2 снизу	чародеи	чародѣи
32	13 снизу	мужскій полъ не женскій	мужескій полъ, ни женскій

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общества Наук
Академии Наук СССР